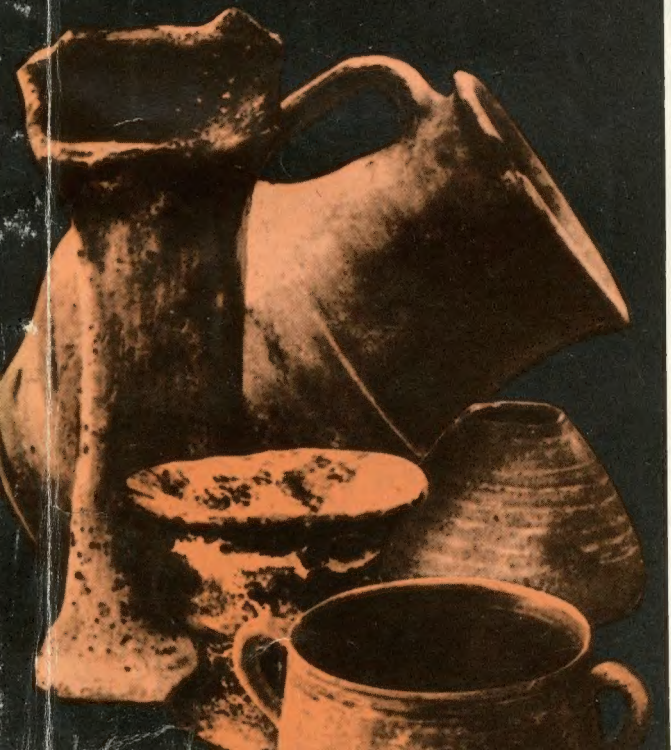
Т. Н. Высотская

СКИФСКИЕ ГОРОДИЩА



СКИФСКИЕ
ГОРОДИЩА
И СЕЛИЩА
ГОРОДИЩА
СЕЛИЩА
ЧЕРНОЕ МОРЕ

Т.Н. Высотская

СКИФСКИЕ ГОРОДИЩА

План Неаполя скифского.

Симферополь
«Таврия»
1989

ББК 63.4(2Ук-4Крм)
В93

Рецензент И. Н. Храпунов

Высотская Т. Н.

В93 Скифские городища.— 2-е изд., доп.— Симферополь: Таврия, 1989.— 96 с.: ил.
ISBN 5-7780-0125-8

В научно-популярной книге рассказывается об уникальных археологических памятниках Крыма — скифских городищах, о появлении скифов на Крымском полуострове, об истории позднескифского государства и его столице Неаполе, об интересных археологических находках и открытиях. Использованы материалы новых археологических раскопок.

Иллюстрирована рисунками

Для широкого круга читателей.

В $\frac{4403000000\text{-}027}{М216(04)\text{-}89}$ 31-89

ББК 63.4(2Ук-4Крм)

© Издательство «Таврия», 1975
© Издательство «Таврия», 1989.
Изменения, оформление

ISBN 5-7780-0125-8

Археология произвела переворот в исторической науке. Она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое точно так же, как микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом большинства организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она внесла такие же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию.

Гордон Чайлд

Когда мы говорим о скифах, то перед нашим мысленным взором возникают бескрайние просторы степей, табуны лошадей, кочевые кибитки, смелые и отважные воины с неразлучным луком и колчаном.

Кто же такие скифы? Откуда они появились в VII в. до н. э. в Северном Причерноморье? Почему о них не умолкают споры?

И по сей день еще не решен окончательно вопрос о генезисе этого народа. Есть разные точки зрения. Одни ученые полагают, что скифы местного, северопричерноморского происхождения, что своими корнями они тесно связаны с предшествующей срубной культурой. Другие видят в них пришельцев из Центральной Азии, где якобы уже в VII в. до н. э. сформировалась скифская культура[2]. И та и другая позиции имеют свои сильные и слабые стороны. Возможно, дальнейшее накопление материала и разрешит этот спор. Но подобных сложных проблем еще немало.

Скифы — ираноязычные племена самобытной культуры, своеобразных обычаев — привлекли к себе внимание еще древнегреческих историков, географов, философов. Пожалуй, самые яркие страницы посвятил им «отец истории» — Геродот, живший в V в. до н. э. Немало сведений о скифах содержит его «Мельпомена». От Геродота мы знаем о многих сторонах их жизни, обычаях, верованиях, обрядах, взаимоотношениях с другими народами.

Раскопки тысяч степных курганов обогатили науку многочисленными памятниками скифской культуры VII—III вв. до н. э.

Существовало некогда в Приднепровье особое место, так называемый Геррос, где хоронили самых богатых и знатных скифов. «Гробницы царей находятся в Геррах»,— писал Геродот. Богатых соплеменников сопровождал на тот свет не только повседневный инвентарь, но и драгоценные золотые украшения. Они не перестают восхищать нас и поныне[3].

В IV в. до н. э. раздробленные скифские племена были объединены под властью могущественного царя Атея.

Властолюбивым и мудрым правителем, умным политиком и дипломатом был Атей. При нем скифы начали активно переходить от кочевого образа жизни к оседлому, все больше заниматься земледелием. В IV в. до н. э. столицей скифов стало Каменское городище* (на левом берегу Днепра, напротив современного Никополя)[4]. Царь Атей, подобно греческим базилевсам, чеканил монету, на которой изображалась голова легендарного греческого героя Геракла. (По легенде скифы произошли от брака Геракла с полуженщиной-полузмеей).

Скифы стремились присоединить к своим владениям западные земли по Истру (Дунаю). В 339 г. до н. э. интересы Атея столкнулись с интересами греков. Филипп Македонский, отец Александра Македонского, вторгся в придунайские владения скифов. Девяностолетний Атей погиб в бою. Греки угнали в плен 20 тыс. женщин и детей и 2 тыс. коней.

Созданная Атеем единая Скифия ослабела и распалась на отдельные части. Одна из них позднее возникла в Добрудже (на территории современной Румынии), вторая захватывала нижнее течение Днестра и часть Крымского полуострова. В дальнейшем из нее выделилась приднепровская область, которая существовала, по-видимому, автономно[5].

Территорию Скифии определял древнегреческий географ Страбон, живший на рубеже нашей эры. По его представлению, она была обширной: «Вся эта страна (т. е. Крым — *Т. В.*), а также почти вся область за перешейком до Борисфена (Днепр — *Т. В.*) называется Малая Скифия»,— писал он[6].

Таврика давно стала привлекать внимание скифов. На просторах Керченского полуострова они кочевали еще в VII в. до н. э. и даже помогли грекам-колонистам выбрать место для будущей столицы Боспорского царства — Пантикапея. К V в. до н. э. относятся не только скифские погребения в курганах, но и поселения скифов-земледельцев, осевших близ греческих городов Боспора.

Приток скифов в Таврику возрастает в IV в. до н. э., когда в истории этого народа начинается новый период, связанный с окончательным оседанием на землю и переходом от скотоводства к земледелию, к созданию многочисленных укрепленных и неукрепленных поселений, к становлению государства.

---

* Мнение о том, что Каменское городище, появившееся в конце V в. до н. э.,— первая столица скифского государства, в свое время высказал известный советский скифолог Б. Н. Греков. Однако существует и другая, еще не отстоявшаяся точка зрения. Она сводится к тому, что в степной Скифии в V—IV вв. до н. э. было несколько подобных крупных центров ремесел и торговли.

В советской историографии этот период принято называть позднескифским, ибо он венчает собой последний, заключительный этап длительной истории скифов. Сам по себе позднескифский период был довольно продолжительным. Начавшись после гибели Атея во второй половине IV в. до н. э., он закончился в начале IV в. н. э.

Позднескифское государство формировалось в окружении различных народов: тавров, греков, сарматов и др. Постоянные связи с соседями неизбежно способствовали их влиянию на скифов. Особое воздействие на них оказала высокоразвитая греческая цивилизация, но имело место и обратное: варвары влияли на греков, что приводило к варваризации* культуры эллинов.

В результате контактов с соседними племенами и государствами в конечном итоге возникла самобытная позднескифская культура, сохранившая собственно скифские традиции и в то же время впитавшая особенности культуры других народов. Уникальный характер этого культурного феномена очевиден.

Итак, данная книга посвящена поздним скифам Крыма. И это не случайно. Ведь именно в Крыму сосредоточены основные и наиболее интересные памятники последнего периода истории скифов.

В книге, привлекая все имеющиеся письменные и археологические источники, мы пытаемся обрисовать разные стороны жизни этого народа, концентрируя внимание на городищах, раскопки которых обогатили науку сведениями об оборонительных сооружениях скифов, их жилищах, материальной и духовной культуре, связях с другими народами.

Мы надеемся, что книга заинтересует читателя и, прочитав ее, он расширит свои познания по древней истории нашего края.

---

* Греки называли всех негреков варварами.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ

География Крымского полуострова разнообразна: степные просторы северных районов к югу сменяются отрогами горного массива. Вдоль побережья от Севастополя до Феодосии протянулась самая высокая Первая гряда Крымских гор.

Плодородные земли этого края, теплый мягкий климат издревле привлекали человека. К моменту появления скифов в предгорном Крыму жили тавры, хотя чаще эти дикие племена предпочитали селиться в горах, где можно было разводить скот и легче скрываться от врагов. Жили тавры и у морских берегов, занимаясь главным образом скотоводством и морским разбоем.

По существу, скифы вытеснили тавров из речных долин, и тем пришлось переселиться в горы, но какая-то их часть, оставаясь в предгорных районах, смешалась со скифами.

Разведки и раскопки выявили в Крыму 80 скифских поселений, укрепленных — городищ, и неукрепленных — селищ.

Среди городищ можно выделить города, т. е. большие, хорошо укрепленные поселения, жители которых занимались, помимо земледелия, торговлей и ремеслом. Нам известны три таких поселения городского типа: Неаполь, Усть-Альминское и Кермен-Кыр близ Симферополя. Кроме того, существовали небольшие укрепленные поселения и, наконец, убежища — особый тип укреплений. С ними мы еще встретимся на страницах этой книги.

Известные нам поселения позволяют судить о границах скифского государства. Они не были стабильными, менялись в зависимости от различных политических событий. Соседи могли захватить часть владений на востоке или юге, затем скифы вновь возвращали себе эти земли. Так, видимо, было постоянно. На севере граница скифских владений терялась в степных просторах

полуострова, на западе шла вдоль берега моря, на юге доходила до горной гряды Крымских гор, на востоке — до Феодосии.

ОТ КОЧЕВИЙ К ГОРОДАМ

Скифы постепенно осваивали эти земли. Можно наметить четыре хронологических периода этого процесса. Первый из них относится к V в. до н. э., когда скифы начали селиться на территории Боспорского государства. Они создавали здесь небольшие деревеньки и занимались земледелием[7]. Но самостоятельными эти поселения были недолго. Они влились в состав Боспорского царства. Второй период связан с освоением центрального Крыма. Он был ознаменован перенесением в конце IV в. до н. э. столицы государства из Приднепровья в Крым, возникновением Неаполя скифского. Забегая вперед, скажем, что город, выстроенный на вершине Петровских скал, просуществовал почти семь столетий, оставаясь центром консолидации скифов, их политического объединения.

Причины, по которым скифы перенесли столицу в Крым, вероятно, были различными, но главным осталось стремление приблизиться к греческим городам, завоевать выходы к морю и вести самостоятельную торговлю с заморскими греками. В это время вокруг Неаполя создаются укрепленные и неукрепленные поселения. Началось это в конце IV в.— III в. до н. э. и продолжалось до II в. до н. э. За этот период скифы сумели овладеть значительной территорией в центре полуострова и начали активную борьбу за земли, принадлежащие Херсонесу на северо-западном побережье. Именно тогда они захватили многие усадьбы херсонеситов, которые потом греческий полководец Диофант вернул Херсонесу. Но об этих событиях мы поговорим позже.

Вскоре после кровопролитной войны с херсонесскими греками начинается третий период освоения Крымского полуострова. Уже в I в. до н. э. появляются новые городища в юго-западном Крыму, что говорит о расширении границ государства, овладении новыми землями.

Четвертый период относится ко II в. н. э., когда скифы овладевают землями в пределах горного и предгорного районов. В это время появляются небольшие укрепленные поселения, а

рядом с ними — убежища, хорошо защищенные от врагов не только крепостными стенами, но и самой природой, поскольку располагались они на возвышенностях.

Итак, мы попытались в виде некоторой схемы представить процесс последовательного расселения скифов в Таврике. К подробному рассмотрению некоторых его аспектов мы еще вернемся.

Немаловажно отметить, что в различных районах и ландшафтных зонах Крыма по-разному сложились исторические судьбы возникших здесь городищ.

Многие ранние скифские поселения восточного Крыма, как мы уже говорили, просуществовали недолго, так как были поглощены Боспором. Восточная граница скифского государства часто переходила от скифов к грекам. Через восточные земли скифов шел поток различных племен с Дона и Кавказа. Этим же путем проникали родственные скифам ираноязычные племена сарматов. Все это, несомненно, отразилось на культурно-историческом развитии живших здесь скифов.

Центральный Крым был местом, где сходились важнейшие торговые магистрали, идущие с востока и севера, из Херсонеса и Боспора. Благодаря локализации здесь столицы государства он на протяжении веков продолжал оставаться центром культуры и политического объединения скифов.

В северо-западном районе Крыма скифские городища возникли в основном на месте бывших греческих усадеб[8]. Население здесь было в значительно большей мере, по сравнению с другими районами Скифии, эллинизовано, что отразилось на материальной культуре. Особенностью этого района служит и тот факт, что большинство расположенных здесь городищ прекратило свое существование задолго до гибели государства, а именно в I в. н. э.

Юго-западный район Крыма был освоен скифами довольно поздно. Лишь после того, как закончилась война с Херсонесом, скифы начали постепенно восстанавливать свои силы. Географические особенности этого района также повлияли на их историческую судьбу. Юго-западный Крым богат возвышенностями, образованными отрогами Второй гряды. Природные условия способствовали тому, что главным образом здесь возникли во II в. н. э. убежища, именно сюда, по-видимому, устремились жители северо-западного Крыма после гибели ряда существовавших там поселений. Большую роль в исторической судьбе этого района сыграл Херсонес — город был тесно связан с жившим здесь населением торговыми и политическими взаимоотношениями.

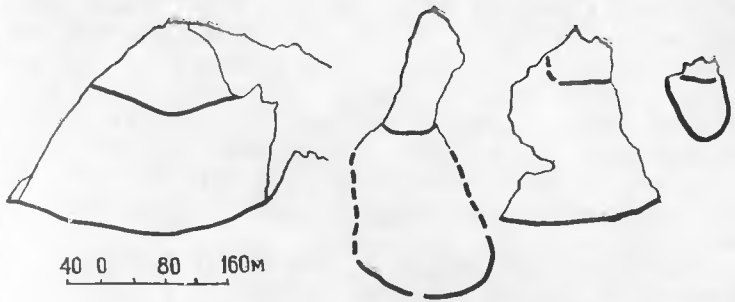


Схема обороны скифских городищ: 1 — Усть-Альминское городище; 2 — Кермен-Кыр; 3 — Булганак; 4 — Змеиное.

Возможно, Херсонес защитил в III в. н. э. от нашествия врагов близлежащие скифские городища и те просуществовали под его эгидой еще не менее полувека.

Однако, несмотря на некоторые особенности исторического развития разных районов Таврики, скифское государство представляло собой целостное образование, с единой культурой, хозяйством и этносом.

Каждый, кто бывал на сохранившихся скифских поселениях, прежде всего обращал внимание на остатки оборонительных сооружений. Развалы стен теперь уже покрыты землей, поросли травой и превратились в подобие земляных валов, рвы заросли. Но если внимательно присмотреться, а тем более воспользоваться результатами археологических исследований, то можно представить, как в древности было защищено то или иное городище. Одни из них имели каменные стены, другие земляные валы и рвы и т. д. Но при всем кажущемся разнообразии чаще всего в основе фортификации лежал принцип двойной обороны.

Чтобы наши рассуждения были более понятны, обратимся к конкретным примерам. Возьмем Усть-Альминское городище. Оно

расположено в западном Крыму, на левом берегу Альмы, в самом ее устье. Отсюда и название. С наиболее доступных для врагов напольных юго-восточной и юго-западной сторон оно защищено рвом и валом. За пределами городища располагалось обширное поселение, которое, как удалось выявить при помощи аэрофотосъемки, также имело оборонительные сооружения. Их следы были отчетливо видны при распашке поля, но сейчас эта территория покрыта виноградниками и раскопки здесь проводить невозможно.

Еще пример — городище на р. Западный Булганак. Оно было открыто Н. Л. Эрнстом, а позднее обследовано П. Н. Шульцем. Акрополь городища первоначально защищала каменная стена с башнями. Толщина стены достигала 2,5 м. На рубеже нашей эры она подверглась разрушению. На руинах вскоре возник вал, сооруженный из земли и гальки, а на нем стена толщиной 5,2 м. Перед валом возвели ров глубиной до 3 м и шириной в верхней части — 8 м[9]. Вторая линия обороны располагалась к югу от примыкающего к акрополю поселения. Здесь прослежены остатки земляного вала[10].

Если мы посмотрим на другие скифские городища, исключая убежища, как особый специфический вид укреплений, то найдем такую же двойную систему обороны.[11]. К сожалению, в большинстве случаев вторая оборонительная линия исчезает значительно раньше, чем наиболее мощная первая. Виной тому распашка площадей, застройка и иная хозяйственная деятельность человека. Лишь аэрофотосъемка может установить, как это сделано в северо-западном Крыму, дополнительные сооружения из рвов и валов, что окружали прилегающую к той или иной крепости территорию.

Столица государства Неаполь имела уникальную по мощи и грандиозности фортификацию в виде каменной крепостной стены. К ней с юга и юго-востока примыкало поселение. Охранные работы на пригородной территории Неаполя скифского изменили представление о том, будто здесь существовало пустое, малозаселенное пространство. Выявилось, что оно было в свое время довольно плотно застроено.

Вполне возможно, что в древности эта территория также была защищена от врагов каменной стеной или валом со рвом, но

следы их безвозвратно утрачены, так как застройка Симферополя вплотную подошла к основной площади городища.

Когда скифы начали осваивать Крымский полуостров и возводить здесь свои крепости, они уже имели некоторый опыт создания фортификационных сооружений. Первая столица скифов — Каменское городище на Днепре — имела укрепленный валом акрополь и вторую линию обороны, которая защищала примыкавшее к акрополю поселение.

Таким образом, скифы принесли в Крым свои знания и навыки. Возникшие здесь городища они стали укреплять подобно Каменскому на Днепре. В этом проявились преемственность культуры, сохранение традиций этим народом. Вместе с тем, благодаря соседству с греками и постоянному общению с ними, скифы восприняли у них многие строительные навыки, в том числе фортификационные. Сказалось это и при создании оборонительных стен Неаполя.

НОВЫЙ ГОРОД

Скифские всадники, видимо, не раз проскакали по долинам крымских рек, выбирая место для будущей столицы своего государства. Ведь город прежде всего должна была защитить от неприятеля сама природа. Кроме того, необходимо, чтобы он находился в центре полуострова, так как именно здесь пересекаются важнейшие торговые пути, вне которых жизнь государства немыслима.

И более удачного места, чем то, где они остановились, найти было невозможно. Плато расположено на вершине Петровских скал (сейчас в центре Симферополя), круто обрывающихся к долине Салгира, тем защищая его с востока и северо-востока. С запада путь преграждала Петровская балка. Она, несомненно, была глубже в древности, чем теперь (сейчас по ее склонам выросли дома, появились огороды, настилы мостовых и т. д.). Лишь с южной и юго-восточной сторон город оставался открытым и уязвимым, но здесь была возведена мощная крепостная стена.

Неаполь, как это часто бывает в археологии, был открыт случайно, и произошло это в 1827 г.

Плита с рельефным изображением конного Палака.

После присоединения Крыма к России в 1783 г. и возникновения Симферополя (в следующем году) город начал интенсивно строиться. Городская управа разрешала гражданам для постройки домов собирать в окрестностях камень. И вот однажды местный житель А. И. Султан-Крым-Гирей встретил повозку, груженную камнями, которые татарин вез с Керменчика, как называлось плато над Петровскими скалами. Он обратил внимание на плиту среди бута с изображением скифа-всадника и еще на три мраморные плиты с надписями. Как позже выяснилось, на них были высечены имя Скилура, а также посвящения Зевсу и Афине от имени Посидея сына Посидея. Приобретя эти находки, он немедленно обратился к директору Одесского музея И. П. Бларамбергу с сообщением о покупке. И. П. Бларамберг приехал в Симферополь, произвел на городище небольшие, но удивительно удачные раскопки. Ему удалось найти фрагмент плиты с рельефным изображением в профиль старика и юноши, а также обломки различной посуды, в том числе ручки амфор с клеймами, обломки черепицы. И. П. Бларамберг высказал предположение, что на этом месте находилась древняя крепость Неаполь — укрепление царя Скилура.

Сообщение об удивительных находках было опубликовано в журнале «Одесский вестник», что сразу вызвало огромный резонанс.

Надо сказать, что в конце XVIII — начале XIX в. интерес к Крыму, к его природе, памятникам искусства, старины был велик. Русская Академия возглавила всестороннее изучение полуострова.

Сюда стали приезжать путешественники и ученые, появились первые труды о Крыме, начались первые археологические раскопки. И хотя эти работы носили (с современной точки зрения) в значительной мере дилетантский характер, они способствовали не только накоплению материала, но и пробуждению всесторонних интересов к древностям Крыма.

Вслед за И. П. Бларамбергом на Керменчике побывал в 1834 г. швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере. Его путь пролегал через Кавказ и Крым. Дюбуа де Монпере интересовался археологией и этнографией тех мест, куда он попадал. Вскоре, по возвращении на родину, он опубликовал шеститомное сочинение о своих путешествиях. На Керменчике Дюбуа де Монпере произвел небольшие раскопки и, главное, оставил нам план городища. Это была первая, бесценная фиксация всех строительных остатков Неаполя. Сейчас следы многих из них безвозвратно исчезли и только благодаря плану Дюбуа де Монпере мы знаем, что южная крепостная стена города имела шесть башен, а юго-восточный район был довольно плотно застроен.

Интерес к памятнику историков, искусствоведов, эпиграфистов, нумизматов породил дискуссию об этнической принадлежности городища, а затем и о локализации скифских крепостей, упомянутых в письменных источниках.

Этому в значительной мере способствовало открытие в 1878 г. в Херсонесе высеченного на камне почетного декрета в честь понтийского полководца Диофанта, где излагались события в Таврике во II в. до н. э., а также указывались две скифские крепости Хабеи и Неаполь и упоминалось имя скифского царя Палака.

Находки, обнаруженные на городище, сведения, почерпнутые из декрета и других источников, дали возможность высказать предположение, что на месте Керменчика находился греческий город Неаполь. И это мнение держалось в науке вплоть до наших дней.

Нужны были новые, широкомасштабные раскопки памятника, чтобы решить многие, связанные с ним вопросы.

Исследования были продолжены после окончания Великой Отечественной войны. Неутомимым организатором этих работ и их бессменным руководителем долгое время был П. Н. Шульц.

Лишь только кончилась война, в августе 1945 г. Павел Николаевич вместе с сотрудниками созданной им Тавро-Скифской экспедиции приезжает в Крым, чтобы начать раскопки. Экспедиция обосновалась в Симферополе, в Петровской балке.

Крым много пережил в Великую Отечественную войну. В первый послевоенный год еще повсюду виднелись следы минувших сражений.

«На Неаполе,— писал П. Н. Шульц,— чернели провалы окопов и траншей, под ногами валялись черепки скифской посуды, гильзы от патронов и остатки снарядов...»[12].

Работы Тавро-Скифской экспедиции велись почти непрерывно с 1945 по 1960 г. В них приняли участие экспедиции Государственного Исторического музея, Музея изобразительных искусств, Института археологии СССР (Ленинградское отделение).

В результате стало известно, что до возникновения Неаполя на городище Керменчик и близ него в VI—V вв. до н. э. жили тавры. От них до нашего времени сохранился небольшой культурный слой с остатками керамики и хозяйственными ямами. Позднее здесь поселились скифы. Были открыты оборонительные сооружения, жилые и культовые постройки, некрополь («город мертвых»).

Стало совершенно очевидно, что на Керменчике в древности располагалась столица скифского государства.

Само название Неаполь в переводе с греческого означает новый город. Видимо, так именовали скифы свою новую столицу, возникшую вместо старой, существовавшей на Днепре.

Однако это всего лишь предположение. Точными данными о наименовании города наука, увы, не располагает. Лишь надпись с названием столицы скифов могла бы решить все споры. Но будет ли она найдена когда-нибудь? Свыше 150 лет ведутся раскопки Неаполя, а нерешенных вопросов еще много. Можно даже сказать, что новые находки, новые открытия порождают их еще больше. Например, не утихают споры относительно времени возникновения города. Одни ученые считают, что Неаполь появился в III в. до н. э., другие — во II в. до н. э. Есть и еще одно суждение, к которому в последнее время присоединяются все больше и больше исследователей, что столица крымских скифов была основана в конце IV столетия до н. э. Это подтверждают не только

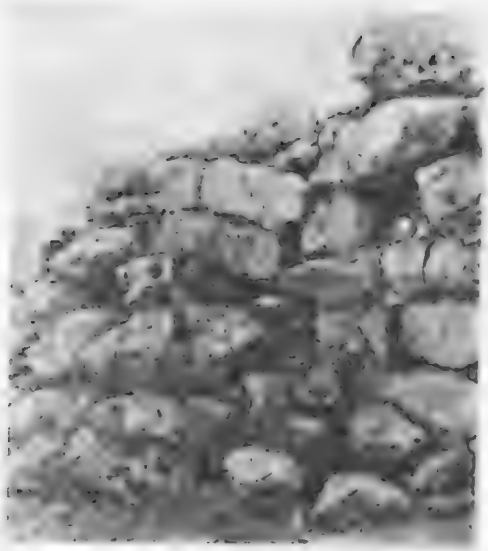
находки керамики, но и фрагменты черепиц с клеймами IV в. до н. э., а главным образом та политическая обстановка, которая сложилась в Северном Причерноморье после гибели царя Атея.

Ко времени перехода скифов к оседлости в Крыму уже существовали два греческих государства — Боспор на европейской и азиатской стороне Керченского пролива и Херсонес. Херсонес в IV в. до н. э. представлял собой крупный греческий морской порт, во владения которого входила его сельскохозяйственная округа — так называемая хора на Гераклейском полуострове (к юго-западу от Севастополя) и северо-западном побережье Крыма, где существовали города Калос-Лимен (Прекрасная Гавань, современный Черноморск), Керкинитида (современная Евпатория), в IV в. до н. э. подчиненная Херсонесу, а до того самостоятельная. Границы хоры до настоящего времени не установлены, да и вряд ли они были стабильными[13].

Взаимоотношения скифов с греками складывались по-разному. Письменные источники сообщают, что в конце IV в. до н. э. скифы участвовали в борьбе между сыновьями боспорского царя Перисада I, сражаясь на стороне Сатира с войском из 20 тыс. пехотинцев и 10 тыс. конницы, а сын Сатира, тоже Перисад, после смерти отца, спасаясь, бежал к скифскому царю Агару. Вполне возможно, что Агар был первым скифским царем в Крыму, одним из преемников Атея. Можно думать, что скифы не только вмешивались в политические дела боспорцев, но даже влияли на их исход. Отношения же с Херсонесом постоянно были враждебными. Скифы неустанно стремились выйти к морю, завладеть морскими гаванями. Так что Херсонес представлял для них немалый интерес.

Но всякой целенаправленной политической акции должна предшествовать мобилизация внутренних ресурсов, объединение страны. Откладывать строительство своей столицы на долгий срок скифы уже не могли. В конце IV в. до н. э. они приступили к ее возведению.

Активная внешняя политика скифов в любой момент могла обернуться для них войной. Надо было подумать о том, чтобы сделать столицу неуязвимой, превратить ее в надежную крепость, за стенами которой могло укрыться все население города и окрестностей.



Древнейшая оборонительная стена Неаполя скифского

С самого начала была задумана крепость, способная выдержать натиск искушенного в военной технике и тактике врага. Что могли противопоставить скифы стенобитным машинам греков? Мощные, непробиваемые стены? Однако умения создавать их на первых порах не было. Скифы привыкли возводить земляные валы со рвами перед ними. На Неаполе же, где всюду камень, вырыть ров невозможно. Так что стену надо было строить в любом случае. Древнейшая оборонительная стена Неаполя была довольно примитивным сооружением. Ее толщина не превышала 2,5 м, высота, вероятно, достигала метров пяти. Стена имела внутренний и внешний панцири, между которыми находилась так называемая забутовка, т. е. подсыпка из мелких камней и наскальной корки. Чтобы это хлипкое сооружение не развалилось, через определенные промежутки делались перемычки из крупных каменных блоков, лежащих поперек стены. Они скрепляли панцири и тем самым делали стену прочнее. Сами же панцири возводили не

вертикально, а с наклоном внутрь, так, что в разрезе стена имела форму вытянутой трапеции[14].

Более ожесточенным и упорным становится натиск скифов на херсонесских греков в III в. до н. э. В это время они сжигают греческие усадьбы на северо-западном берегу, захватывают поселения, уничтожают посевы.

Богиня Дева неоднократно спасала граждан Херсонеса от нападения варваров. Однажды так якобы случилось во время праздничного шествия в честь Диониса[15].

Итак, овладеть Херсонесом, укрепленным мощными оборонительными стенами, скифам не удалось. Но греки вынуждены были принять срочные меры по охране своих владений: дополнительными противотаранными поясами укрепить стены усадеб, возвести новые укрепления в самом городе.

Во II в. до н. э. во главе скифского государства стал царь Скилур. При нем начался быстрый расцвет Скифии: осваивались новые земли, возникали новые поселения, расширялись границы государства, появились новые постройки в столице.

Скилур вел удачную внешнюю политику. Ему удалось подчинить греческий город Ольвию (на западном побережье Бугского лимана). В Ольвии чеканились монеты Скилура. С Боспорским царством он поддерживал дружественные отношения, скрепленные родственными связями: скифский царь выдал свою дочь замуж за знатного боспорца[16]. Однако с Херсонесом скифы по-прежнему продолжали воевать, захватив принадлежащие ему земли на северо-западном побережье Крыма и вновь угрожая самому полису.

Готовясь к войне с греками, скифы позаботились о том, чтобы обезопасить свои рубежи. Царь Скилур предпринимает грандиозные фортификационные работы. Письменные источники очень скупо освещают историю поздних скифов. Она восстанавливается исключительно благодаря археологическим исследованиям. Но в данном случае у нас в руках ценнейшее свидетельство древнегреческого историка и географа Страбона. Он сообщает, что Скилур и его сыновья укрепили* свои крепости. Этот текст чрезвы-

* Старый перевод текста Страбона: «укрепления или крепости, которые построил Скилур и его сыновья». Новый перевод предложен Э. И. Соломоник.[17].

чайно важен для нас, ибо он свидетельствует не только о деятельности царя Скилура, но и о том, что у скифов было несколько крепостей, которые они во II в. до н. э. старались сделать неприступными.

И действительно, на примере Неаполя мы видим, какие грандиозные по масштабам своего времени работы могли проводить скифы.

Чтобы крепостную стену Неаполя невозможно было пробить стенобитной машиной, скифские мастера, уже знакомые со строительными навыками греков, к древнейшему оборонительному поясу, со стороны, противоположной от города, пристраивают ряд дополнительных поясов. Это увеличивало толщину стены до 6,8—7,35 м.

Самым уязвимым местом для осажденных всегда остаются ворота. Скифы подумали и об этом. И снова им на помощь (в переносном, конечно, смысле) пришли греки. Воспользовавшись их примером, по сторонам ворот скифы возвели выступы-пилоны длиной 3,35 м и шириной 1,65 м. Они выполняли роль своеобразных привратных башен для защиты от неприятеля. Кроме того, в районе ворот городские стены имели надстройку из необожженного кирпича-сырца. Вероятно, ее украшали зубцы с бойницами. Это увеличивало высоту стены. Оформление стен скифы также могли заимствовать у греков. Существование в греческих городах Северного Причерноморья не сохранившихся до наших дней стен с башнями, увенчанными зубцами, подтверждают находки монет с изображением таких оборонительных сооружений.

О высоте стен Неаполя можно судить лишь приблизительно. Вероятно, нижний каменный пояс поднимали не менее чем на 4,5—5 м, а сырцовая надстройка увеличивала общую высоту еще метра на три. Тяжелые двустворчатые главные городские ворота были сколочены из дубовых досок. Они открывались редко. Обычно пользовались калитками. Но ворота всегда охраняла стража. Днем и ночью вдоль парапета ходили воины, готовые в любое время предупредить жителей о приближающейся опасности. Но когда в момент торжественных приемов иностранных послов или в других исключительных случаях центральные ворота города открывались, то перед взором пришельца представала белая, засыпанная известковой крошкой площадь, обрамление которой завершала своеобразная парадная постройка, выстроенная в IV—III вв до н. э. и вошедшая в литературу под названием «здание с портиками»*. Она представляла собой стену длиной около 30 м с небольшими портиками по краям. Черепичную крышу каждого из них поддерживали шесть квадратных в сечении столбов. Найденные близ остатков здания фрагменты каменных рельефов позволяют предположить, что в углублениях между столбами в древности стояли статуи. Именно здесь был найден каменный рельеф с изображением старика и юноши (Скилур и Палак**), фрагмент надписи с посвящением Деметре, обломки мраморных и бронзовых статуй.

Справа от входа у городских ворот обнаружены остатки каменного постамента от мраморной или бронзовой статуи. Все это говорит о том, что площадь имела парадный вид. Здесь, видимо, принимали послов других держав, заключали торговые сделки, совершали культовые обряды.

Позднее, в первые века нашей эры, когда наступили тяжелые для Скифии времена, площадь потеряла свое былое значение и превратилась в свалку мусора. Городские ворота заложили камнями. Прошло время парадных церемоний, надо было защищаться от врагов.

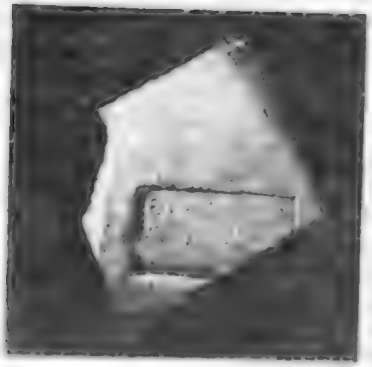
Но в период процветания государства, в период его могущества, во время царствования умных, деятельных правителей столица имела иной вид, хотя и тогда город, по всей вероятности, строился без строгого плана. Не было четкой планировки улиц, дома размещались беспорядочно, застройка носила хаотичный характер. Впрочем окончательно судить об этом уместно будет лишь тогда, когда будут раскопаны большие площади городища. Сейчас можно только утверждать, что скифская знать жила в больших и добротных домах, которые зачастую возводили приглашенные из греческих городов строители. Крыши таких построек покрывали черепицей.

В греческих городах, где изготовляли черепицу, ее обычно клеймили. По клейму мы узнаем не только откуда была приве-

---

* Портик (латинск. porticus) — выступающая перед фасадом здания открытая галерея с колоннами, несущими перекрытие.

** Палак — сын царя Скилура.



Фрагменты черепицы с клеймом.

зена черепица (о месте ее производства можно судить и по составу глины), но также имя мастера, а главное — время клеймения. Исходя из этого, можно точнее датировать и само сооружение.

Один из домов открыт недалеко от парадной площади. Он получил название «дом с подвалом», поскольку сохранился выдолбленный в скале подвал размером 12,10×5,65 м и незначительные остатки каменных стен толщиной 1 м, что допускает существование второго этажа. В подвале хранились в амфорах вино и масло, привезенные из различных островов и городов Средиземноморья и Малой Азии: Родоса, Книда, Коса. При разрушении дома в подвал упало много черепицы, судя по клеймам изготовленной в разных пунктах Причерноморья.

Дом, несомненно, принадлежал очень богатому человеку, так как его стены были оштукатурены и расписаны. Владельцы дома покупали дорогую греческую чернолаковую посуду, рельефные так называемые «мегарские» чаши, шкатулки с костяными обкладками, терракоту и другие вещи. По фрагментам черепицы, обломкам керамики и прочим находкам постройку дома можно датировать концом IV в. до н. э. Во II в. до н. э. он был перестроен и просуществовал еще почти столетие до начала I в. до н. э. Поэтому керамика, найденная при раскопках дома, разновременна. Затем он был заброшен и постепенно засыпан городским мусором.

Не менее богатому владельцу принадлежал расположенный недалеко от площади трехкамерный дом III в. до н. э. площадью 85 м^2. Стены одного из его помещений были оштукатурены и расписаны яркими красками. Оно не отапливалось, тогда как в двух других жилых комнатах сохранились остатки очагов. С севера к дому примыкал двор.

В эллинистическое время* в большинстве греческих городов Северного Причерноморья дома, как правило, возводились из необожженного кирпича-сырца на каменных основаниях. Следовали этому и скифы. Сырцовые дома прочны и теплы, а изготовление сырцовых кирпичей не требует большого труда. Полы чаще были глинобитными, иногда земляными.

Однако возведение большого дома стоило недешево. Поэтому бедняки ютились в небольших домишках, а чаще в крохотных землянках и полуземлянках, размеры которых варьируют от 4,5 до 12,5 м^2. Эти примитивные сооружения имели прямоугольную, овальную или круглую формы. В центре обычно находился очаг, а вдоль стен шли лежанки, на которых сидели и спали. Кроме того, существовали и совсем крохотные постройки, которые, возможно, использовались как летние, временные жилища или служили для хозяйственных нужд. Они имели круглую юртообразную форму, а диаметр их не превышал 2,8 м. Видимо, они создавались так, как сообщает Геродот, описывая обычаи скифов: «Поставив три шеста, наклонные один к другому, натягивают на них шерстяной войлок, стянув его как можно плотнее»,[18] сооружают легкую постройку. Ее можно было сделать быстро, когда кочевники останавливались где-нибудь в степи на несколько дней.

Наряду с добротными домами подобные примитивные сооружения существовали у скифов в III—I вв. до н. э., но постепенно их вытеснили более совершенные.

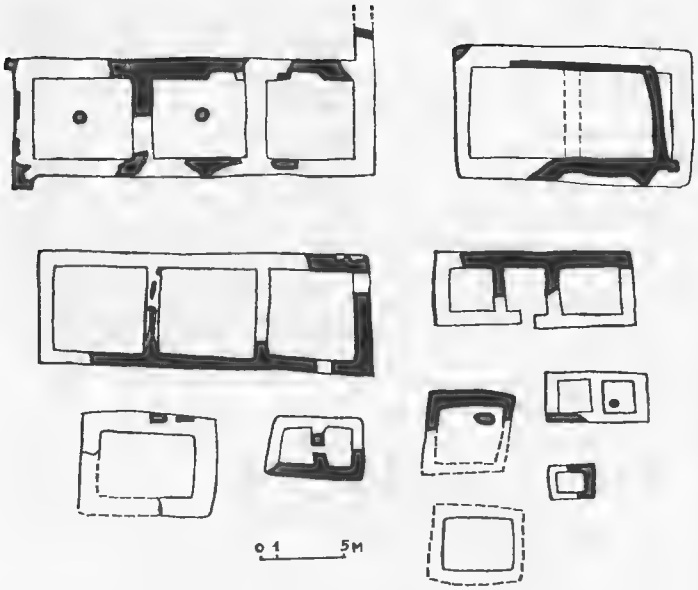
Кроме жилых и хозяйственных домов, скифы возводили культовые здания, где выполнялись различные обряды, связанные с их верованиями. В Неаполе открыто 4 таких здания одного и того же плана — вытянутый прямоугольник главного зала, а перед ним небольшие сени, своеобразный вестибюль**.

Из этих построек две открыты на самом городище, а две за пределами его городских стен. Примечательно, что первые из них отличаются высоким качеством строительства. Лучше сохранилось так называемое «здание с фресками» (здание «А»),

---

* Так называется период с III в. до н. э. по I в. н. э.

** В последние годы в Неаполе открыто еще несколько зданий того же плана. Публикация их еще предстоит.



Планы домов Неаполя скифского.

размером 19×9 м. Из сеней в главный зал, в центре которого располагался очаг, вела дверь. Ширина дверного проема 1,6 м. Стены дома были сложены из сырцовых кирпичей, лежащих на каменном основании. Двускатная крыша покрыта черепицей. Вокруг очага находилось 16 углублений от деревянных опор, поддерживающих кровлю с отверстием для выхода дыма и доступа света. Стены зала были оштукатурены и расписаны. Сохранившиеся куски штукатурки позволяют реконструировать всю декоративную роспись зала. Она делилась как бы на три пояса: верхний, зубчатый, со следами красной и серой краски. Над ним — серый карниз. Средний пояс был расчленен расписными полуколоннами с коринфскими капителями, между которыми располагались прямоугольники, обрамленные рамами. Нижний, третий, пояс состоял из чередующихся

широких и узких прямоугольников, выписанных красной и черной краской под мрамор. Интерьер выглядит необычайно нарядным и красивым,— ведь вокруг существовали лишь скудные жилища. Несомненно, скифы придавали особое значение убранству этого здания. Для росписи зала они, вероятно, приглашали греческих мастеров, скорее всего с Боспора, так как роспись «здания с фресками» близка стилю живописи, открытой там.

Никаких предметов труда и быта в здании не обнаружено, что само по себе уже свидетельствует о его общественных функциях. Но, кроме того, в северо-западном углу главного зала сохранились остатки черепа и рогов оленя. По-видимому, олень у скифов все еще был священным животным.

Ясно, что мы здесь сталкиваемся с реликтовыми формами тотемизма*. Ведь «...религия,— как писал Ф. Энгельс,— всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен».[1]

Вдоль стен главного зала, очевидно, шли скамьи, на которых сидели собравшиеся. На высоту вытянутой руки сидевшего по стенам было нанесено множество примитивных, прочерченных по штукатурке рисунков-граффити. Среди них изображение воинов с копьями, таран на колесах, табуны коней, человеческие фигурки, загадочные знаки, змейки, звезды, косые крестики и т. д.

Эти схематические изображения отражают реальный и фантастический мир поздних скифов. Они вводят нас в круг далеко еще не разгаданных представлений, связанных с верованиями и обрядами этого народа.

О художественной стороне рисунков мы еще поговорим.

Здание было сооружено в конце II — начале I в. до н. э. и на протяжении долгого времени служило только культовым целям. Недалеко от него открыты остатки постройки такого же плана, но меньшего размера — 15×7,6 м (здание «В»). По времени оно предшествует «зданию с фресками». Как и последнее, его возвели из сырцовых кирпичей на каменном основании. О культовом наз-

---

* Тотем — животное, от которого, по представлению данного народа, он ведет свое происхождение.

начении постройки говорит не только планировка, но также отсутствие бытовых предметов и находки в юго-западном углу главного зала 13 целых и множество мелких обломков рогов молодых оленей, 4 обрезка рогов крупного оленя.

Все тот же культ оленя, все тот же ритуал — сокрытие остатков священного животного под полом в углу.

Более примитивными были культовые здания за пределами городских стен. Их открыто два. Одно из них при раскопках большого зольника (№ 3) в 1956—1957 гг., где сохранились остатки прямоугольного помещения с сенями размером 11×5,6 м (здание «З»). В центре зала находился круглый очаг. Крыша, по-видимому, была земляная или камышовая, так как никаких фрагментов черепицы не встречено. Обломки керамики дают возможность установить, что сооружение возникло в III—II вв. до н. э. Позднее оно сильно пострадало от пожара и было перестроено: деревянная перегородка, отделявшая зал от сеней, заменена каменной, увеличена толщина стен. На рубеже нашей эры здание погибло и больше не восстанавливалось.

С юго-восточной стороны от него располагался небольшой зольник диаметром 4 м, под насыпью которого сохранились камни от вымосток и оград. Возможно, этот зольный холм возник во время существования культовой постройки и связан с нею функционально.

Позднее, когда здание «З» было разрушено, на его месте появился большой зольник, покрывший все строительные остатки.

И тогда в пригородной зоне Неаполя скифы соорудили небольшой по размерам дом «Е», той же планировки, что и описанные выше — главный зал и сени. Размер дома 13,4×6,5 м. В центре зала находился прямоугольный глинобитный очаг, боковые стороны которого раскрашены охрой и сажей. В юго-восточном углу зала располагалась сложенная из мелкого камня лежанка, расписанная полосами красной охры и сажи, а в противоположном, юго-западном, углу — жертвенная яма. Лежанка и яма были обмазаны глиной. В яме покоились кости пяти ягнят, обломки лепных сосудов, вылепленные из необожженной глины примитивные фигурки людей и животных. Этот своеобразный жертвенник сверху прикрывали камни.

Лепная курильница.

Бронзовая статуэтка Диоскура.

Рядом со зданием, к юго-востоку от него, открыт небольшой зольник, высотой всего 0,5 м. Он, как и зольник у здания «З», возник не случайно, а в результате отправления каких-то ритуальных обрядов, связанных с огнем (отсюда высыпание золы), с поклонением различным божествам. После совершения обрядов в зольник бросали разбитые краснолаковые и стеклянные сосуды, фибулы (вроде английской булавки), бусы, обломки амфор. Не случайно поэтому среди находок в насыпи зольника обнаружена греческой работы терракотовая голова богини земледелия Деметры, чей культ был очень популярен в скифской среде. Здесь же находился обломок приобретенной у греков терракотовой фи-

гурки Гермеса — рука, державшая кошель. В зольнике встречены две великолепные бронзовые фигурки стоящих Диоскуров[19]. Одна из них, эллинистического времени,— обнаженный юноша во весь рост, с длинными локонами, выбивающимися из-под пилоса — шапочки Диоскуров, через левое плечо перекинут плащ. Пропорции тела легки и изящны. Левой рукой юноша, вероятно, сдерживает повод коня. Фигурка небольшая, всего 11,8 см.

Вторая статуэтка чуть меньше первой — 10 см. Она худшей работы, но аналогична по композиции и изображению. Разница лишь в том, что первый Диоскур упирается в бедро правой рукой, а второй — левой. Согласно греческой мифологии братья Диоскуры Кастор и Полидевк — искусные бойцы и возничие — защищают людей от всяческих опасностей, которые подстерегают их в пути, на чужбине.

Тема парных героев, связанная с идеей побратимства, была очень распространена у скифов. Видимо, поэтому проникает в их среду культ братьев Диоскуров.

В зольнике найдены обломки ритуальных глиняных сосудов-курильниц своеобразной шаровидной формы на подставке. Они, как правило, служили для сжигания благовоний во время отправления магических обрядов.

Таким образом, зольник был жертвенным холмом, где совершались обряды, связанные с приношениями богам различных, подчас дорогих предметов: терракотовых и бронзовых статуэток, привозных сосудов и пр.

Итак, мы рассмотрели постройки Неаполя. Мы видели, что скифы превратили город в хорошо защищенную крепость. В мирное время ее население занималось разнообразным повседневным трудом. В городе жили земледельцы, ремесленники, изготовлявшие различную утварь: обжигали горшки, ковали мечи, делали крюки и гвозди, добывали камень для построек.

Вдоль оборонительной стены внутри города открыто огромное зернохранилище: 60 ям шли цепочкой одна за другой. Их, как правило, выдалбливали в скале, горловины обкладывали камнем. В древности яму сверху плотно закрывали круглые каменные крышки.

Амфора с изображением Эрота и Гермеса.

Прежде чем ссыпать зерно, ямы окуривали, уничтожая тем самым насекомых. Иногда стены их покрывали глиной, а чтобы влага не проникала внутрь, замазывали края крышки. В яму могло поместиться 1,2—1,4 т зерна. Здесь, у городских ворот, в месте наиболее защищенном и постоянно охраняемом стражей, сосредоточивались государственные запасы зерна, предназначенные на случай длительной осады города. Кроме того, зерно держали в дворовых ямах, а также в амбарах и под навесами. По-видимому, со всего царства свозили скифы зерно в столицу. Отсюда иноземные купцы везли его в далекие страны.

Возможно, существовала какая-то норма дани, выполняя которую население обязано было после уборки урожая привезти хлеб в Неаполь. Часть его оставляли для собственных нужд, часть (очевидно, бóльшую) продавали.

Существуя и формируясь в окружении греческих городов, скифы постоянно общались с греками. Более высокая античная культура постепенно вторгается в аристократическую среду скифов, к людям зажиточным, имевшим больше возможностей приобщиться к греческой цивилизации.

Археологические исследования столицы скифов красноречиво подтверждают значительное влияние эллинов. Оно сказалось в облике города, в характере оборонительных, жилых и культовых сооружений, в стремлении подражать греческой моде (скифские цари носили на греческий манер плащи, скрепленные фибулой, как это видно на рельефе с изображением Скилура и Палака). Скифская аристократия знала греческий язык — посвящения богам, чьи статуи стояли в Неаполе, были написаны на греческом языке. В скифский мир проникают греческие божества.

Вместе с тем скифы свято чтили обычаи предков. Старые скифские традиции на протяжении веков сохраняются в местной среде и, как это ни кажется парадоксальным, особенно среди аристократии, правда, не столичной, а «провинциальной».

Еще в V в. до н. э. скифы жестоко наказывали соотечественников за приобщение к греческой культуре. Вот что рассказывает по этому поводу Геродот. У скифов был царь по имени Скил. Царствуя над скифами, он не любил образа жизни своего народа. Когда ему приходилось бывать в греческом городе, он перед городскими воротами оставлял сопровождавшую его свиту, снимал скифское платье, облачался в эллинскую одежду, придерживался эллинских обычаев и даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Однажды скифы, тайно проникнув в город борисфенитов (Ольвию), увидели, что их царь принимает участие в вакханалии. Они свергли его и отсекли ему голову.

«Так крепко,— писал Геродот,— скифы держатся своих обычаев и такой суровой каре они подвергают тех, кто заимствует чужие»[20]. И продолжалось это многие столетия, благодаря чему и у поздних скифов, несмотря на влияния соседних народов, все еще сохранялись древние традиции. В том заключены своеобразие, особенность, самобытность скифской культуры.

У САМОГО МОРЯ

Упорно стремясь овладеть выходами к морю, скифы в итоге захватили земли сельскохозяйственной округи, или хоры, Херсонеса на северо-западном побережье Гаврики. На месте бывших греческих поселений во II в. до н. э. возникали скифские городища.

На этот раз херсониты не могли самостоятельно справиться с натиском варваров. Они вынуждены были обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору, который прислал в Таврику войско во главе с полководцем Диофантом. Диофанту пришлось дважды совершать походы на скифов. Борьба затянулась. Скифы действовали напористо, нападали внезапно. К тому же они вступили в союз с сарматским племенем роксоланов. И те приняли участие в войне, выставив 50 тыс. человек. О том, кто такие сарматы, мы еще расскажем подробнее, а пока приведем свидетельство Страбона о роксоланах: «У них в ходу шлемы и панцири из сыромятной бычьей кожи, они носят плетеные щиты в качестве защитного средства; есть у них также копья, лук и меч»[21].

Но это войско не могло устоять против 6 тыс. хорошо обученных греческих воинов. Скифы были разбиты, их крепости Хабеи и Неаполь покорены. Греки праздновали победу.

В честь полководца Диофанта в Херсонесе воздвигли бронзовую статую, на постаменте которой был высечен почетный декрет. Два других декрета появились в связи с захватом Калос-Лимена и скифской крепости Напит.

Эти ценнейшие для нас письменные источники с документальной точностью фиксируют события войны греков со скифами. Историки многих поколений обращались и будут еще обращаться к ним не раз.

СМЕРТЬ БАЗИЛЕВСА

У скифов же был траур — умер царь Скилур. Древние историки сообщают, что у него было много детей (по свидетельству Посидония — 50, по свидетельству Аполлонида — 80). Умирая,

Скилур будто-бы собрал всех своих детей, каждому раздал по стреле и предложил переломить ее древко. Это они сделали без труда. Тогда он попросил собрать все 80 стрел вместе. Переломить их древки оказалось невозможным. «Если вы будете держаться вместе, как эти стрелы, — сказал царь,— вы будете сильны и непобедимы, но если же не будет прочного союза между вами — вас легко победить»[22].

Похороны царя всегда требовали особых церемоний. Во времена Геродота тело умершего царя возили по всей Скифии и лишь после этого хоронили в большой могиле вместе с одной из наложниц, виночерпием, поваром, конюхом и другими умерщвленными слугами, а также конями и богатой утварью.

Каков был обычай царских похорон во II в. до н. э., источники не сообщают, но мы знаем, что для царя скифы соорудили у центральных городских ворот Неаполя каменную усыпальницу — мавзолей, почти квадратное в плане сооружение размером 8,65×8,1 м. Его стены толщиной в 1 м сложили из квадратов белого известняка, а верхнюю часть из сырцовых кирпичей[23].

Тяжелая дверь, сколоченная из дубовых досок, находилась с восточной стороны. Ее открывали каждый раз для следующих захоронений. Впоследствии, когда мавзолей превратился в боевую башню, дверью перестали пользоваться и внутрь усыпальницы попадали с парапета оборонительной стены по каменной лестнице в 11 ступеней. Вероятно, когда дверь закрывали в последний раз, у ее притолоки положили собаку — стража царства мертвых.

В северо-западном углу мавзолея в каменной гробнице, сложенной из хорошо отесанных известняковых плит, был погребен царь. Его положили, по скифскому обычаю, головой на запад, облачив в роскошные белые одежды, расшитые золотыми нитями и украшенные многочисленными золотыми бляшками. Венчал одежду головной убор, также украшенный золотыми бляшками. На руках и ногах умершего красовались золотые спирали.

Знатный человек в Скифии — в том числе и царь — всегда воин. Справа, у бедра погребенного, лежал железный меч в ярко-красных ножнах, а в ногах — три железных наконечника

копий со следами позолоты, меч с серебряной рукоятью, железный шлем и позолоченный железный нагрудник. Вооружение знатного воина дополнял золоченый колчан для лука и стрел, который был прикреплен к кожаному поясу бронзовыми пряжками. Сочетание белой одежды с золотом и ярко-красными ножнами было красивым, броским и пышным.

Как и полагалось в древние времена, царя хоронили не одного. Рядом с ним лежал слуга-конюх вместе с четырьмя конями и собакой. Чуть позже в роскошном деревянном саркофаге захоронили царицу. Саркофаг покоился на резных ножках в виде фигурок фантастических животных — сфинксов и грифонов. На боковых стенках и крышке размещались перевитые лентами гирлянды из листьев аканфа, лавра, шишек пинии и цветов. С торцевых сторон располагались фигуры льва и сфинкса.

В таком роскошном, сверкающем золотом саркофаге должно было находиться очень богатое захоронение. Однако стража, охранявшая покой мертвых, не уберегла его от грабителей. Сохранились лишь остатки женского костяка, несколько золотых вещей, в том числе золотая игла, золотая подвеска, бусы и фрагменты сосудов.

Мавзолей долгое время служил усыпальницей для родственников и приближенных царя, самых знатных людей скифского государства.

Всего здесь было совершено свыше 70 погребений. Почти все они отличались богатством, пышностью, наличием золотых украшений. В общей сложности сохранилось 1327 золотых предметов (правда, большинство из них — около 800 — найдено в каменной гробнице), в том числе золотые нагубники и наглазники, золотые медальоны и многочисленные нашивные бляшки. Среди разнообразных дорогих украшений особый интерес представляет выполненный из сердолика жук-скарабей. На тыльной стороне этого крохотного предмета (он чуть больше сантиметра) выгравировано лицо бородатого мужчины в остроконечной шапочке (вероятно, скифа).

Ничтожно мало дошло до нас изображений варваров. Поэтому каждое из них важно и по своему примечательно. Именно по ним можно воссоздать облик скифов, их одежду.

Деревянные гробы, в которых лежали в мавзолее умершие, имеют по углам ножки, напоминая тем самым саркофаги. От некоторых сохранились следы глиняной обмазки и красной краски, от других гипсовые украшения и позолота.

Почему мы до сих пор говорим, что в мавзолее погребен царь Скилур? Никаких неопровержимых доказательств тому нет. До сих пор продолжаются споры, он ли это, или его старший сын и преемник Палак.

Собственно, каждое погребение для археолога загадка. Кто же был этот умерший?

...В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные на звучном языке.

Но лик сокрыт — опущено забрало.
Но плащ истлел на ржавленной броне.
Был воин, вождь. Но имя Смерть украла
И унесла на черном скакуне.

И. Бунин

П. Н. Шульц в свое время уверенно отождествлял погребенного в каменной гробнице мавзолея со Скилуром. Основанием для этого служило сходство лица, восстановленного М. М. Герасимовым по черепу из гробницы, с известными изображениями Скилура на каменном рельефе и монетах.

Через несколько лет Н. Н. Погребова высказала другое мнение.

Основываясь на датировке ранних погребений мавзолея, которые относятся к началу I в. до н. э., она предположила, что ко времени сооружения мавзолея Скилура уже не было в живых и в царской гробнице мог быть погребен только Палак.

Чтобы лучше разобраться в этом, вернемся снова к событиям войны с херсонесскими греками.

Из письменных источников мы знаем, что скифы воевали во главе с Палаком. Страбон говорит, что роксоланы под руководством Тасия пришли на помощь Палаку. Из декрета в честь Диофанта известно, что скифский царь неожиданно напал на греческое войско. Следовательно, именно Палак стоял во главе скифской армии.

В самом деле, логично связать окончание войны и время раннего погребения в мавзолее с Палаком. Но ведь у нас нет никаких данных о том, когда умер Скилур и участвовал ли он в войне с греками. Отсутствие в декрете в честь Диофанта имени Скилура еще ничего не означает. Скилур мог держать оборону столицы в то время, когда основные удары грекам наносил Палак, почему последний и упомянут в декрете.

П. Н. Шульц и А. Н. Карасев считали, что Скилур умер до войны, в период реконструкции оборонительной стены Неаполя и усиления его боевой мощи. Тогда скифы и возвели мавзолей, а по другую сторону главных ворот — восточную башню.

Допустим, что так и было. Но Неаполь сильно пострадал в войне. Разрушению подверглись оборонительные стены и жилые кварталы города. Трудно представить себе, чтобы в этой ситуации царская усыпальница, где хранится много драгоценностей, стояла бы нетронутой.

Остается предположить одно: мавзолей возник после войны с Херсонесом. Поэтому-то он и уцелел до наших дней. Скилур, очевидно, умер в самом конце войны, когда греки отошли от стен покоренного Неаполя, и был похоронен в каменной гробнице с соответствующими почестями, в дорогих одеждах и украшениях.

Царем Скифии стал Палак. Власть по наследству перешла к старшему сыну, который еще при жизни отца был его соправителем. Погребение Палака еще предстоит открыть.

НЕПОБЕДИМЫЕ

Победа греков над скифами во II в. до н. э. оказалась эфимерной. Скифы вновь овладели западным Крымом. Раскопки последних десятилетий в этом районе выявляют все новые и новые данные о строительной и хозяйственной деятельности скифов. Целой цепочкой протянулись их поселения вдоль побережья. Большинство из них еще ждет исследований, и лишь на самых значительных в последние годы ведутся раскопки.

На берегу моря, в 7 км к западу от Евпатории, близ детского санатория «Чайка» расположено городище. Оно возникло на месте греческого поселения, которое еще в начале III в. до н. э. пытались захватить скифы[24].

Во II в. до н. э. они возвели здесь небольшую крепость с мощной оборонительной стеной своеобразной конструкции. Поскольку эта местность песчаная, ров здесь вырыть невозможно (края осыпались бы). Скифы решили проблему обороны города очень остроумно: они насыпали песчаный вал шириной 6 м, который затем укрепили с внутренней и внешней сторон стеной из бутового камня. Стена была высокой — сохранившаяся часть внешней облицовки достигает 3,5—4 м.

Застройка крепости велась по строгому плану. Сказалось, видимо, влияние греческих строителей, да и сами скифы ко II в. до н. э. уже сумели приобрести навыки градостроительства. С востока и юга шли кварталы из примыкающих друг к другу жилищно-хозяйственных комплексов. Если хозяин владения изменял площадь своей постройки (пристраивал сарай или расширял жилое помещение), то это приводило, естественно, к изменению планировки всего квартала. Наряду с одноэтажными, строили и двухэтажные дома. Наверх поднимались по каменным лестницам.

Улицы, как правило, были мощеные, их уровень находился выше полов помещений, куда спускались также по лестницам[25].

Местное население прибрежной полосы занималось рыболовством, земледелием, торговлей. Видимо, оно унаследовало традиции живших здесь ранее греков, используя установленные ими торговые связи с различными городами.

Городище «Чайка» просуществовало сравнительно недолго. В I в. н. э. жизнь здесь замерла.

К северу от Евпатории, в 28 км от нее, на берегу моря расположено **Южно-Донузлавское** городище . Оно, так же как и «Чайка», возникло во II в. до н. э. на месте греческого поселения. Захватив его, скифы возвели в центральной части укрепление, которое имело округлую в плане форму размером 130×45 м. Эта небольшая крепость была хорошо защищена валом, поверх которого шла каменная стена. Перед ней находился глубокий ров, обложенный камнями.

За пределами крепостных стен располагалось селище[26].

Раскопками на городище открыты здания, состоящие из нескольких помещений. Их стены, как правило, сложены из рваного камня. Сохранились каменные ограды дворов, многочисленные хозяйственные ямы. Помимо добротных жилищ, существовали и примитивные. Примером тому могут служить остатки юрты I в. н. э., имеющей почти правильную круглую форму размером 2,7×3 м. По краю глинобитного пола шли поставленные на ребро плоские камни. В центре находилась яма, предназначенная для опорного столба перекрытия[27].

Южно-Донузлавское городище прекратило свое существование, как и «Чайка», в I в. н. э.

На южном побережье Тарханкутского полуострова, у с. Окуневки, на месте ранее существовавшего греческого поселения, во II в. до н. э. возникло скифское городище **Тарпанчи**. В плане оно имело прямоугольную форму, с трех сторон было защищено каменной стеной толщиной 2,8 м. Кверху она постепенно сужалась до 1,55 м. Снаружи стену обмазывали толстым слоем глины. Это не только придавало ей более опрятный вид, но и делало более прочной. Вдоль стены, на расстоянии 4 м друг от друга, располагались боевые башни. Исследованы две из них.

Квадратные в плане, пятиметровые в поперечнике, они, так же как и стены, возведены из бута. Перед стеной башни выступали на 4—4,4 м. Удалось проследить оригинальную конструкцию основания башни, до раскопок городища Тарпанчи не встречавшуюся в скифской фортификации. Башня имела цоколь из крупных плит, лицевая кладка которого, обращенная к напольной стороне, была пирамидальной. На цоколе возвышалась вертикальная стена. Во второй строительный период башни укрепили дополнительным противотаранным поясом толщиной 1,75 м. Перед стеной находился глубокий (4,5 м) ров, ширина которого в верхней части достигала 11—12 м, а в основании — 5 м. Склон рва, обращенный к городу, облицован камнем[28].

К городищу с запада и востока примыкали селища, размеры которых во много раз превосходили размеры самого укрепления. К северу располагались остатки большого зольника.

У оборонительной стены, с ее внешней стороны, открыт при-

строенный к ней навес, под которым временно хранили, а может быть, и просушивали пшеницу и ячмень. Площадка под навесом была глинобитной. Когда последний раз промазали пол, кто-то прошел по нему, остались отпечатки босых ног. Раскопана не вся площадка, а только ее часть, но на ней собрано более 500 кг обуглившегося зерна. Погибло зернохранилище внезапно на рубеже II—I вв. до н. э. Вероятно, это произошло во время второго похода войск Диофанта против скифов, когда Диофант «будучи задержан непогодой» — как мы узнаем из декрета в Херсонесе,— неожиданно повернул в приморские земли северо-западной Таврики. Нападение было столь внезапным, что скифы не смогли уберечь собранный урожай. От удара врагов пострадала и оборонительная стена. Однако, судя по всему, грекам не удалось захватить Тарпанчи. Жизнь на поселении продолжалась.

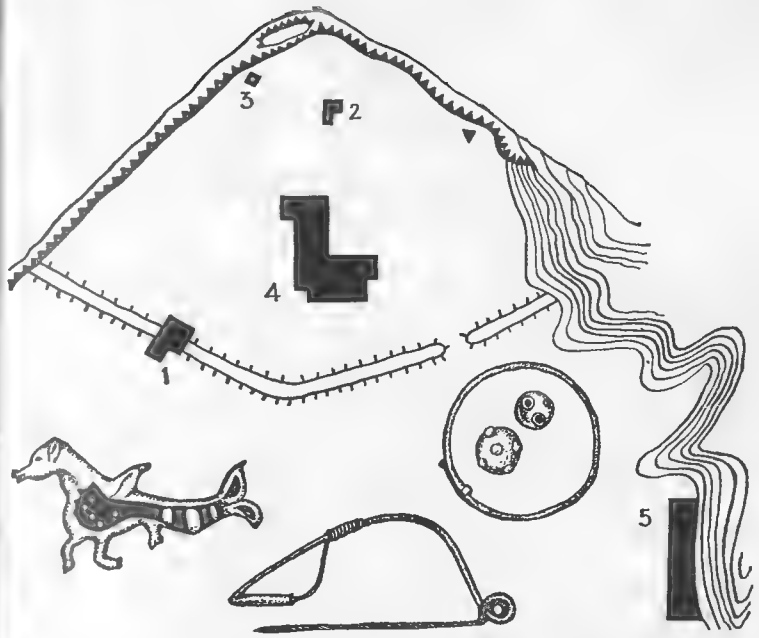
Во II—III вв. н. э. здесь возникают различные сооружения, в том числе так называемый дом с контрфорсами. Он состоял из трех помещений: жилого и двух хозяйственных, а также двора со служебными постройками. Такой комплекс характерен для скифских усадеб северо-западного Крыма.

Помимо земледелия, местное население занималось животноводством (разводили овец, коз, свиней, лошадей, коров, собак), рыболовством (ловили кефаль, камбалу, осетров).

В III в. н. э. городище Тарпанчи погибло. Жизнь в нем замерла. Население покинуло свои жилища, они начали быстро разрушаться. И вот в одном из помещений археологи обнаружили остатки гнезда хищных птиц, некогда поселившихся на руинах Тарпанчи. Хищники вывели птенцов, кормили их мелкими птицами, а также змеями. Удалось установить 26 видов последних[29].

Все сказанное, во-первых, прямо указывает, что край этот оставался долгое время пустынным, необитаемым. А во-вторых, позволяет судить о той фауне, которая была здесь в начале I тыс. н. э.

Южно-Донузлавское городище, «Чайка», Тарпанчи были сравнительно небольшими поселениями, тогда как в устье Альмы скифы в конце II в. до н. э. возвели большой город. Место для него они выбрали исключительно удачное. Альма в древности была полноводная, обеспечивала жителей пресной водой. Левый берег реки был довольно крутой. Тридцатиметровые отвесные обрывы



План Усть-Альминского городища. Находки из могильника. 1—4 — раскопы на городище; 5 — участок раскопа могильника.

делали городище неприступным со стороны моря. Более пологий спуск вел к реке. И лишь юго-западная и юго-восточная стороны оставались незащищенными. Здесь скифы создали надежную оборонительную систему.

Городище сейчас имеет форму треугольника, обращенного вершиной к морю. Его площадь около 6 га, но море непрерывно наступает на него, подмывает берег, и огромные массы земли рушатся на пляж. Уничтожается ежегодно примерно 60 см береговой полосы. В обрывах видны остатки хозяйственных ям, каменных построек, битая посуда. Какая площадь разрушилась, что находилось на несохранившейся территории, мы уже никогда не узнаем.

В древности городище было связано морским путем с Херсонесом и Керкинитидой, с близлежащими приморскими скифскими поселениями. Мимо него греческие корабли шли из Херсонеса в Керкинитиду и Ольвию. А может быть, греческие купцы приплывали из Ольвии с товарами для скифов прямо к устью Альмы.

С Херсонесом и Неаполем местных жителей соединяли сухопутные дороги, следы которых выявляет аэрофотосъемка.

С юго-запада и юго-востока к городищу примыкало огромное поселение, во много раз превосходящее его размеры. С напольной стороны оно было, вероятно, защищено земляным валом. Площадь поселения сейчас распахана, засажена виноградником, но оборонительную линию фиксирует аэрофотосъемка. К востоку от него находился большой некрополь. Не все еще его границы удалось выявить. К примеру, южная теряется в винограднике, где встречаются отдельные могилы. Всего исследовано около 7000 м^2 площади древнего кладбища (примерно его четвертая часть).

Когда возникло городище, жили ли до него здесь греки, кому принадлежали эти земли до появления скифов? Эти вопросы стояли перед археологами с самого начала исследования памятника. Однако ответить на них не просто. Ведь значительная часть городища уничтожена, и культурные слои, которые, возможно, могли дать ответ на эти вопросы, погибли. Поэтому надо обратиться к имеющимся материалам. О чем говорят они?

При раскопках фрагменты греческой керамики IV—III вв. до н. э. встречаются крайне редко, однако они все-таки есть, и общее их количество постепенно возрастает. Были найдены обломки херсонесских и синопских амфор этого же времени, фрагменты чернолаковых сосудов. Значит, жизнь здесь в IV—III вв. до н. э. была. Существовавшее до скифов поселение могло скорее всего принадлежать грекам хоры Херсонеса. В связи с наступлением моря и уничтожением береговой полосы какая-то часть этого поселения (теперь мы уже не узнаем какая именно) уничтожена.

Если наше предположение верно, а дальнейшие исследования Усть-Альминского городища это могут проверить, то границы хоры Херсонеса в северо-западном Крыму должны быть значительно отодвинуты к югу от уже известной территории.

Что же касается самого скифского городища, то оно возникло в устье Альмы, как мы уже сказали, в конце II в. до н. э.* (до войны с херсонесскими греками).

Разведочные раскопки на городище были проведены П. Н. Шульцем в 1946 г., а с 1968 по 1984 г. городище и некрополь ежегодно исследовал Альминский отряд Института археологии АН УССР**.

Приступая к систематическим раскопкам этого памятника, Альминский отряд ставил перед собой несколько задач. Прежде всего следовало выяснить, как был защищен город. Сейчас, поднимаясь к городищу по крутой тропинке со стороны Альмы или подходя к нему с юга от с. Углового, можно видеть довольно высокий поросший травой вал и ров перед ним. Что это — земляные сооружения или развалы саманных стен? Какие у местных жителей были жилые и хозяйственные постройки, чем занималось население, какие существовали у них обряды, как хоронили умерших?

Кроме этих вопросов, предстояло решить и еще один самый трудный — как назывался в древности этот город?

ЦАРСКИЕ КРЕПОСТИ

К сожалению, до сего времени ни на одном из скифских городищ не обнаружено надписи, где бы указывалось название данного поселения. Имеющиеся же скудные письменные источники в этом отношении не дают определенных ориентиров. Поэтому начавшаяся еще в первой половине XIX столетия дискуссия о локализации скифских крепостей продолжается и поныне.

Но сейчас накопилось много археологического материала, прочитан декрет II в. до н. э., пролежавший в фондах Херсонес-

---

* В предшествующем издании «Скифских городищ» (Таврия, 1975) мы указывали на другую дату — рубеж III—II вв. до н. э., оговаривая при этом, что она не окончательная, так как нижние слои города еще предстоит изучать. В результате раскопок последних лет время возникновения Усть-Альминского городища уточнено.

** Руководитель отряда — автор этой книги.

ского музея свыше 50 лет, где упоминается крепость Напит (или напитов)[30]. Известно, что она уступала по размерам другим скифским укреплениям. И все же при данном уровне наших знаний ответить на вопрос, где находились крепости Неаполь и Хабеи, указанные в посвященном Диофанту декрете, а также Палакий, о котором сообщает уже известный нам древнегреческий историк и географ Страбон,— задача не простая.

Большинство ученых в настоящее время склоняются к тому, что на месте Керменчика находился Неаполь, хотя есть и другое мнение. О. Д. Дашевская, а вслед за ней Д. С. Раевский считают, что этот город назывался Палакий[31].

Но нас в данном случае интересует один конкретный вопрос — какое название было у города в устье Альмы? Попробуем решить его, опираясь на письменные источники и действуя при этом методом исключения.

Декрет в честь Диофанта указывает, что царские крепости Хабеи и Неаполь находились в середине Скифии. Значит, город в устье Альмы не мог называться Неаполем или Хабеями, поскольку он располагался на берегу моря, а не в глубине полуострова.

У Страбона читаем: «Эти укрепления — Палакий, Хаб и Неаполь — служили им (т. е. скифам — *Т. В.*) опорными пунктами против полководцев Митридата»[32]. Отсюда следует, что в скифском государстве существовали три крепости, которые служили опорными в борьбе с греками. Они же могли быть подвержены нападению греков, а скифы, готовясь к войне, укрепили их. И вот теперь на помощь должна прийти археология. Надо выделить из скифских городищ три, которые можно считать царскими крепостями. Так как Неаполь уже отождествлен, остаются две. Затем следует выяснить, имеются ли на них следы укрепления, обороны, перестройки стен и валов, следы пожаров конца II в. до н. э., когда войска греков вторглись в пределы Скифии.

Помимо Неаполя, на территории Крыма среди скифских городищ мы можем назвать еще трех претендентов на царские крепости. Это городище Кермен-Кыр в 4 км к северо-западу от Симферополя, городище на р. Булганак и Усть-Альминское.

Из них первые два находятся в середине Скифии, и, следовательно, Палакия среди них быть не должно.

Забегая вперед, скажем, что на Усть-Альме открыты следы пожара, который датируется концом II в. до н. э., а в нижнем слое найдены три медные монеты города Амиса времени Митридата VI Евпатора. Сюда они скорее всего попали вместе с греческими воинами во время похода Диофанта в западную Таврику. И, наконец, последнее. Городище было дополнительно укреплено в период подготовки к войне с Херсонесом. Все сказанное позволяет предположить, что город в устье Альмы назывался Палакий. Слово это не греческое, а скифское. Оно восходит к этникону «пал» (у скифов было племя палы). Не исключено также, что такое наименование связано с именем старшего сына Скилура, его соправителя и преемника Палака.

Есть еще одно предположение относительно названия городища в устье Альмы, высказанное А. Н. Щегловым: оно связано с его конфигурацией, имевшей в древности форму зуба, т. е. произошло от слов зуб (dandake). Отсюда — Дандака, которую упоминает греческий математик, астроном и географ Птолемей, живший во II в. н. э., а также римский историк IV в. Аммиан Марцеллин[33].

Оба источника поздние, но дело даже не в этом. Как мы не раз подчеркивали, море здесь беспощадно уничтожает берег, очертания его меняются. Строить предположение о наименовании древнего города на таком непрочном основании вряд ли возможно.

Итак, в устье Альмы скорее всего находился древний Палакий. А где же искать Хабеи? Вероятно, на одном из названных выше городищ — Булганаке или Кермен-Кыре.

Более определенный ответ может быть получен только в результате дальнейших археологических раскопок, которые предъявят науке доказательства для убедительной локализации. Изучение городища на р. Булганак началось сравнительно недавно. Подождем.

Что же касается Кермен-Кыра, то мы хотим поближе познакомить читателя с этим памятником, чтобы сложилось представление о скифских царских крепостях.

Городище, как мы знаем, расположено на подступах к Неаполю скифскому, на северо-западе от него. Оно было известно ученым еще в прошлом столетии. Первые упоминания о нем при-

водит Дюбуа де Монпере, который заметил здесь следы стен и жилищ, обломки древней керамики.

А. И. Маркевич, один из известных исследователей Крыма, полагал, что Кермен-Кыр «очень напоминает Неаполис и по следам окопов и жилищ, и по валам, и по массе черепков и камня»[34]. К такому же выводу пришел Н. Л. Эрнст, после того как провел на городище в 1929 г. небольшие раскопки. По существу они были правы, так как и Неапсль, и Кермен-Кыр — городища, относящиеся к одной культуре, к одному народу. Вместе с тем, каждое из них имеет свои отличительные особенности.

Раскопки 1929 г. и послевоенного времени — 1945—1951 гг.— открыли на городище акрополь, защищенный мощной каменной стеной, толщина которой достигала 7,25 м. Перед ней находился ров глубиной 3,35 м.

Вторая оборонительная линия защищала городище с запада и востока. Здесь проходит земляной вал, поверх которого шла каменная стена толщиной 1,65 м, а перед валом располагался ров.

Раскопки открыли на городище каменные основания жилых построек. Некоторые из них имели прямоугольный план, размером 5×4 м. Глинобитный пол покоился на золистой подсыпке. Вокруг домов располагались хозяйственные ямы. Фрагменты разнообразной гончарной и лепной посуды, среди которой встречены обломки родосских амфор с клеймами, краснолаковая посуда и прочий инвентарь, позволяют судить о времени существования городища — с III в. до н. э. по III в. н. э.

Одно из наиболее интересных открытий на городище связано с комплексом гончарных печей. Но о них мы еще поговорим, а пока снова вернемся к западным берегам Крыма.

Итак, с напольной стороны Усть-Альминское городище было защищено валом, перед которым находился вырытый в земле ров. Эта оборонительная система сооружалась трижды.

Впервые скифы насыпали земляной вал и вырыли ров в конце II в. до н. э., в момент создания города. Вал этого времени не сохранился, но уцелели остатки рва, достигавшего глубины 3,5 м, а ширины в верхней части не менее 8 м.

Затем, в период подготовки к войне с греками, скифы вновь укрепили город, который к этому времени расширился. Поэтому

пришлось к югу от предыдущего возводить новый вал, перед ним вырыть ров глубиной немного меньшей, чем предыдущий,— 2 м и шириной вверху 5,5 м. Вероятно, поверх вала шла сырцовая стена, толщиной не менее 2 м, о чем говорит сохранившийся развал сырцовых кирпичей.

Наконец, в третий строительный период город расширился еще больше, и снова надо было еще дальше, к югу, насыпать новый земляной вал, а перед ним выкапывать ров. Остатки этих сооружений видны и поныне. Сохранившаяся глубина рва местами достигает 1 м, а ширина 2 м. Конечно, в древности ров был шире и глубже.

Где-то с юго-восточной и юго-западной сторон, судя по топографии, находился въезд в город. Аэрофотосъемка также указывает на дорогу, ведущую в город с юго-востока.

Дома в городе строились по определенному плану. Они, как правило, были прямоугольные. Стены возводили из сырцовых кирпичей на каменных основаниях. Черепица встречается крайне редко. Лишь очень богатые люди имели возможность купить ее. Обычно крыши делались либо земляные, либо камышовые. Полы во всех случаях глинобитные. В центре находился очаг, чаще прямоугольный, вмазанный в пол. На нем готовили пищу, зимой он обогревал и освещал помещение. Широкое распространение получили у скифов переносные очаги-жаровни различной формы — овальной, круглой или прямоугольной с бортиками, высотой до 20 см. Были жаровни и без бортов. Такие печки ставили по мере надобности в любое место в помещении или держали во дворе, где готовили летом пищу.

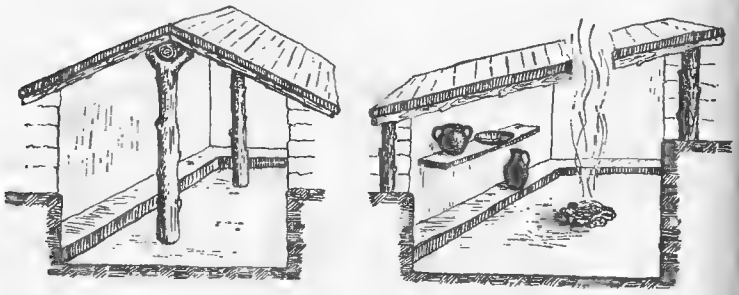
Дома на городище имели строгую ориентацию — с северо-запада на юго-восток.

Зимой на побережье господствуют северо-восточные ветры, а летом юго-западный бриз. Учитывая это, местные строители стремились защитить жилища от зимнего холода. Строили дома с минимальной возможностью проникновения ветра внутрь помещения. Вход поэтому обычно располагался с юго-западной стороны.

Были ли скифы новаторами, применяя такую ориентацию жилищ? По-видимому, нет, так как общая планировка в ближайшем греческом городе Керкинитиде да и в других греческих поселениях

побережья была такой же. Надо думать, что скифы видели, как строили греки свои дома, и поняли, почему они ставят их именно так. И сами стали широко использовать этот прием. Дома на скифских городищах всего северо-западного Крыма — «Чайка», Тарпанчи и других ориентированы так же.

На Усть-Альме к домам примыкают мощенные галькой и обнесенные каменным забором дворы, где протекала жизнь. Здесь располагались различные хозяйственные постройки: подвалы для хранения продуктов, навесы, под которыми сушили зерно, хозяйственные ямы, подчас глубиной до 3 м. В них держали молоко, мясо, вино, ссыпали зерно.



Полуземлянки Усть-Альминского городища. Реконструкция.

Возле одного из домов открыт неглубокий подвальчик, примечательный тем, что на его полу сохранилось 8 отпечатков от ножек стоящих здесь некогда амфор. Все они различных типов, но датируются одним временем — I в. до н. э. — I в. н. э.

В другом дворе находился овин для просушки зерна. Он представлял собой большую глубокую яму. По ее краям в древности стояли деревянные жерди и тянулся плетень. Когда-то на дне ямы находился очаг, дым от него поднимался вверх, проходил сквозь щели плетня и подсушивал прислоненные к нему снопы с хлебом. Какие-то зернышки падали в яму. По этим остаткам мы знаем, что здесь сушили пшеницу — основную культуру местных хлеборобов.

Жилые сооружения на Усть-Альминском городище возводились в несколько периодов. Наиболее интенсивное строительство велось на рубеже нашей эры.

Скифы возводили не только добротные жилища для зажиточных людей, но и полуземлянки для бедняков. Малоимущие люди жили, по-видимому, в отдельном, отведенном для них районе города,— у оборонительного вала. Именно здесь раскопками последних лет открыты четыре однотипные прямоугольные полуземлянки размером 5,40×3,60 м или 4,40×2,70 м. На 0,8 м они были углублены в землю, а наземные стены сложены из саманных кирпичей. Изнутри стены были обмазаны глиной и побелены. С трех сторон вдоль стен полуземлянок шли лежанки, сделанные из земли и поставленных на ребро сырцовых кирпичей. Мебели у скифов не было, так что на таких лежанках они сидели и спали. Крыша полуземлянок была либо односкатная, либо двускатная земляная или камышовая. Входов не обнаружено. Вероятно, пользовались приставными деревянными лестницами. Лишь в одной из полуземлянок открыты остатки очага, оказавшегося не простым. Люди в этой полуземлянке, как это было тогда обычным, какое-то время пользовались переносной жаровней, а затем решили соорудить постоянный глинобитный очаг.

Согласно древним поверьям, чтобы хозяин жил долго и благополучно, а скот его давал хороший приплод, под очаг следовало положить кости животного. Так поступили и здесь: под очагом закопали новорожденного козленка или ягненка в возрасте одного месяца, а также голову козла в возрасте 1—1,5 лет, предварительно обрубив рога.

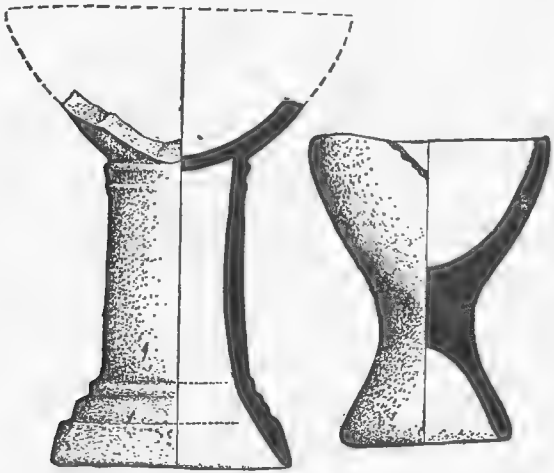
Обряд захоронения под полом жилища жертвенного животного характерен для многих древних народов. Часто он, как и в данном случае, был связан не только с культом плодородия, но и огня, домашнего очага.

Все перечисленные полуземлянки Усть-Альминского городища возникли на рубеже нашей эры. Некоторые из них просуществовали сравнительно небольшой срок, другие, как, например, та же полуземлянка с очагом, погибли от пожара во II в. н. э.

Район близ оборонительного вала со стороны города, видимо, был постоянным местом обитания бедняков. Но шло время, мест-

ные строители приобрегали новые навыки, совершенствовали свои постройки. По-другому стали делать и полуземлянки. И вот во II—III вв. н. э. у оборонительного вала возникла новая полуземлянка, уже несколько иная. К сожалению, сохранилась она частично. Вдоль одной из ее стен лежанку сложили из камня, пол внутри сделали глинобитный. Очаг был, вероятно, переносной. Сохранилась очажная яма, в которую ссыпали от него золу.

Дома освещались у скифов значительно примитивнее, чем у греков. В жилищах последних, как правило, стояли специально



Глиняные курильницы.

изготовленные изящные чернолаковые или краснолаковые светильники, наполненные маслом. Их горящий фитилек излучал мерцающий свет. Помимо светильников стандартной формы, греки изготовляли и продавали оригинальные сосуды на высокой подставке. Фрагмент одного такого необычного сосуда обнаружен на Усть-Альминском городище. Его круглая чашечка покоилась на высокой, полой внутри колонке, имеющей квадратное основание. Чашечка изнутри покрыта слоем гари, что говорит о назначении

предмета, его длительном использовании для осветительных целей. Но это все исключительные предметы. Такими светильниками скифы пользовались очень редко, так как купить их мог лишь состоятельный человек. Обычно они пользовались примитивными, сделанными от руки светильниками в виде сапожка или вазочки на ножке.

ПОВСЕДНЕВНЫЙ ТРУД И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Хозяйственная деятельность местного населения, как и повсюду в Скифии, была разнообразной. Но главным занятием во все времена существования скифского царства оставалось земледелие. Производили главным образом пшеницу, а также рожь, ячмень, бобовые культуры.

Греки, в том числе херсонесские, после того, как скифы захватили их хору на северо-западном побережье, постоянно испытывали нужду в хлебе. Это подтверждают и письменные источники. Например, в декрете I в. н. э. в честь одного из граждан Херсонеса говорится, что чествуемый оказал помощь хлебом нуждающимся гражданам. Из декрета II в. н. э. мы узнаем, что Херсонес испытывал нужду в хлебе и вынужден был обратиться за помощью к частному лицу[35]. Систематическая нехватка хлеба заставляла греков покупать его у скифов.

Произвести огромное количество хлеба без плужного земледелия было бы невозможно. Кроме плуга, для обработки земли служил целый ряд вспомогательных орудий, в том числе и мотыга для рыхления земли. Жали серпами.

Но вот пшеницу скосили. Ее нужно обмолотить. О том, как это делали греки, мы узнаем у историка V—IV вв. до н. э. Ксенофонта: «Животных — волов, мулов, лошадей — гоняли по кругу, подбрасывая им под ноги колосья, из которых скот выбивал зерна»[36]. Возможно, тот же способ обмолота бытовал и у скифов. Не исключено, что применялись и молотильные доски. С помощью разнообразных зернотерок зерно перетирали в муку. На смену плоским, довольно примитивным зернотеркам-толкачам приходят круглые ручные мельницы, состоящие из двух жерновов: нижнего, укрепленного неподвижно, и верхнего, вращающегося с

помощью деревянной ручки. Такие жернова очень долго, вплоть до наших дней, существовали у многих земледельческих народов.

Для крупного размола зерна, чтобы получить крупу, использовали каменные ступы. Они встречались неоднократно.

Орудия земледелия находят крайне редко. Железо, как правило, быстро ржавеет и распадается. Лучше сохраняются кованые четырехгранные гвозди, а от прочих предметов до нас доходят лишь железные чешуйки. Поди догадайся, какому предмету они принадлежали? Но вот однажды повезло. На полу брошенного в пожаре дома на городище Алма-Кермен обнаружено несколько предметов: два слепившихся серпа со слабоизогнутым лезвием, мотыга и два виноградных ножа. Какая удача! Сразу можно сказать, что местные жители не только высевали зерно, но и выращивали виноград. Спустя много лет после этих находок на Усть-Альминском городище и в могильнике мы нашли зерна винограда — бесспорное доказательство виноградарства.

Делали скифы и собственное вино. Об этом говорят сохранившиеся стационарные (у городища Краснозорянского) и переносные тарапаны*. Последние, довольно больших размеров, были вторично использованы в качестве закладных плит в Заветнинском могильнике (рядом с городищем Алма-Кермен). По-видимому, виноградарством и виноделием скифы занимались широко. Ореал городищ, где найдены подтверждающие это остатки, расширяется. До недавнего времени находки происходили только из юго-западного Крыма. Теперь к нему присоединился западный (Усть-Альма), а в последнее время и восточный Крым. На селище близ городища Доброе, что расположено на трассе Симферополь-Алушта (у с. Доброго) обнаружен виноградный нож.

Отвлечем немного внимание читателя и обратимся к этому городищу. Оно находится на правом берегу р. Тавель. К укреплению с юга примыкает обширное селище площадью более 80 тыс. м^2. Разведки на городище провел Н. Л. Эрнст в 1927 г. Он собрал здесь разнообразную керамику, фрагменты очажных подставок. В 1949 г. Доброе обследовал П. Н. Шульц. Найденные обломки посуды позволили датировать городище II в. до н. э.— III в. н. э.

В 1979—1980 гг. областной краеведческий музей совместно с отделом археологии Крыма ИА АН УССР провели небольшие раскопки в Добром. В результате на селище открыт прямоугольный в плане дом, типа мегарон, размером 14,6×6,2 м, видимо, утративший свои первоначальные культовые функции и превращенный в III в. н. э. в хозяйственное и жилое помещение.

Другое хозяйственное сооружение II—III вв. н. э. было прямоугольное в плане, размером 10×4 м, с полом, засыпанным мелкой галькой. Обнаружены хозяйственные ямы и многочисленные обломки амфор II—III вв. н. э. Жители поселения занимались земледелием, а также виноградарством[37].

В первые века нашей эры скифы довольно активно начинают заниматься виноградарством и виноделием.

В одной из Кизил-Кобинских пещер открыт склад амфор II—III вв. н. э., принадлежащих, по-видимому, богатому виноделу или виноторговцу. Но даже эта находка не дает ответа на вопрос — продавали ли скифы свое вино, или изготовляли его только для собственных нужд.

Более важную роль, чем виноградарство, в хозяйстве скифов играло скотоводство, о чем говорят многочисленные кости домашних животных, обнаруженные на поселениях. Судя по этим остаткам, разводили главным образом мелкий рогатый скот — овец, коз, а также свиней. Однако в первые века нашей эры увеличивается количество крупного рогатого скота. Во все времена было много собак.

Занимались скифы различными ремеслами и промыслами. Скифские женщины, по-видимому, были искусные мастерицы ткать, шить одежду.

Постоянно встречаются обожженные, а чаще необожженные глиняные грузила от ткацких станков и многочисленные глиняные пряслица* — лощеные и нелощеные, круглые и цилиндрические, биконические и плоские.

---

* Тарапан — давильня, сделанная из камня со стоком для слива сока и сусла.

* Пряслице — грузило для веретена.

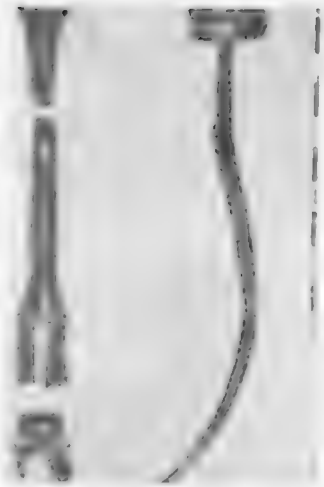
В одном из склепов Усть-Альминского могильника найдены прекрасно сохранившиеся деревянные веретена. На одном из них в момент открытия даже сохранилась белая пряжа. Но от соприкосновения с воздухом она тут же рассыпалась. А сами веретена интересны не только как орудия труда скифских женщин, но и как своеобразные произведения искусства, так как они были увенчаны фигурками сидящих уточек, туловища которых повернуты в противоположные стороны. Эта работа местных мастеров, прекрасно владевших резьбой по дереву.

Грузила для ткацкого станка.

В женских погребениях очень часто встречаются бронзовые иголки, иногда положенные в бронзовые футляры. Все это говорит, что одежду шили исключительно женщины, тогда как мужчины занимались постройкой домов, различными видами других ремесел и промыслов. Жители прибрежных поселений, как мы уже в том убедились, ловили рыбу. Найдены бронзовые крючки, грузила для сетей, остатки самих сетей, а также чешуя и кости рыбы.

С западного берега Крыма рыбу привозили в столицу государства — кости камбалы обнаружены и в Неаполе скифском

Большое место в повседневной жизни местных жителей занимало керамическое ремесло. На скифских городищах и селищах всюду встречаются обломки типичной, чаще черной и серой в изломе, посуды с характерными профилями, судя по которым археологи безошибочно определяют даже до начала раскопок поселения, что здесь жили скифы. Чем же примечательна эта посуда?



Деревянные веретена.

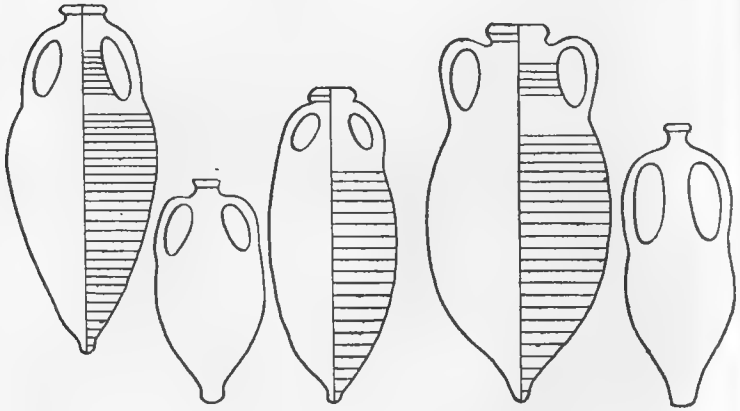
Дело в том, что каждый народ, особенно тот, что чтит и сохраняет традиции своей культуры, как это происходило и в данном случае, из поколения в поколение повторяет форму сосудов, используемых в быту. У скифов ассортимент сосудов был достаточно велик: высокие горшки — корчаги, в которых держали воду, ссыпали зерно, муку и даже хоронили грудных младенцев, разнообразные кувшины, с широким или узким горлом, миски, светильники. И эту посуду не спутаешь ни с какой другой. Она изготовлена из специфического теста, часто с содержанием шамота (толченой керамики, кусочков кварцевого песка), поверхность сосудов либо гладкая, лощеная, либо шершавая, без лощения. Но главное — это особая форма посуды.

Однако скифы, как мы знаем теперь, не жили изолированно. Общение с другими народами, браки с иноплеменными, бесспорно, оказывали воздействие на все стороны их культуры. Гончары, видя изящную посуду греков, старались подражать ей, делать подобные греческим кувшины, миски, сосуды с профилированными или витыми ручками и пр. Для детей изготовляли миниатюрные амфорки, кувшинчики.

В первые века нашей эры, когда на полуострове появляется все больше сарматов, когда они все глубже проникают в скифскую среду, появляются сосуды, типичные для сарматской куль-

туры: горшки с низко посаженными ручками, сарматские ребристые курильницы и т. п.

Горшки скифы обжигали в печах. Близ городища Красное открыт целый комплекс таких печей (раскопана лишь одна — I в. н. э.). Она была круглая в плане, двухъярусная, построенная из сырцовых кирпичей, квадратных или продолговатых по форме. Нижняя камера, диаметром 1,33 м, высотой 0,51 м, отделялась от верхней межкамерным перекрытием[38]. Сложные приемы кирпичной кладки



Амфоры с городища Усть-Альма.

печи свидетельствуют о сравнительно высокой строительной технике, которой достигли скифы в I в. н. э., а также о высокоорганизованном ремесле керамистов. Вполне возможно, что часть продуктов своего ремесла скифы продавали на внутреннем рынке для своих соплеменников. Но это лишь предположение. Пройдет еще немало лет, накопятся новые данные, тогда и можно будет рассмотреть вопрос о том, чем торговали скифы между собой.

Очень важную роль в жизни скифского государства играла торговля. Конечно, в столицу скифов, где жил царь, его родственники, торговцы, воины привозили больше дорогих заморских товаров. Раньше, чем у населения других городищ, окрепли торговые связи этого города, но и на других поселениях мы находим следы интенсивной торговли скифов с греками.

Основным предметом экспорта, а следовательно, и источником богатства скифов был хлеб. В обмен на него приобретали очень широкий ассортимент товаров, но прежде всего вино и масло в амфорах. Часто покупали сладкое вино. На некоторых фрагментах амфор красной краской начерчена буква Г, от слова glucus, т. е. сладкое. Такие пометки делали греки, отправляя в далекий путь партию вина.

Судя по амфорам, мы знаем, что к скифам прибывали товары с далеких островов Эгейского моря — Родоса, Косса, из Малой Азии, с южного берега Понта* — Синопы, Амиса, Гераклеи и, конечно же, из греческих полисов Северного Причерноморья — Ольвии, Херсонеса и Боспора. Покупали у греков столовую посуду, покрытую красным лаком, в том числе и роскошные, с рельефным орнаментом, так называемые «мегарские чаши». Но последние были очень дороги, их приобретать могли лишь богатые люди, и поэтому фрагменты этих чаш встречаются не часто.

Покупали ткани, золотые и бронзовые украшения, дорогую стеклянную посуду, терракотовые статуэтки, кровельную черепицу, зернотерки из вулканических пород. Даже из далекой Аттики привозили в Неаполь прекрасную чернолаковую посуду. Отправлялись ли скифы сами в далекий путь за товарами или пользовались помощью греков? Для того чтобы достичь островов Эгейского моря или прибыть в Грецию, надо было знать морское дело, иметь свой флот. Его у скифов не было. Поэтому они вынуждены были обращаться к грекам, которые издавна были отличными моряками.

Посредником в торговых делах скифам служили греческие города Северного Причерноморья и прежде всего Ольвия. Она вынужденно взяла на себя эти обязанности, так как во II в. до н. э. скифы подчинили ее своему влиянию и широко пользовались ее торговыми связями.

---

* Понтом греки называли Черное море.

Гражданин Ольвии Посидей, сын Посидея, довольно часто совершал поездки с товарами из Неаполя в Ольвию, из Ольвии в далекие края и обратно. Не раз на его корабли нападали пираты, в том числе сатархеи, что жили где-то на западном побережье Крыма. Посидей, как истинный грек, высоко чтил богов и в Неаполе, где он так часто бывал и, возможно, подолгу жил, поставил статуи с посвящениями Зевсу, Афине, Ахиллу и богине Родос. Последняя была покровительницей острова Родос. Статуя с посвящением богине прямо указывает на то, что Посидей совершал поездки на остров и привозил оттуда вино, которым славились островитяне.

Торговые связи Неаполя с Родосом подтверждают многочисленные фрагменты родосских амфор, в том числе ручек с клеймами жрецов и фабрикантов.

Проживал в Неаполе грек по имени Евмен. Он, по всей вероятности, торговал хлебом. От урожаев зависело его благополучие и состояние. Чтобы задобрить богиню плодородия Деметру, Евмен поставил ей в Неаполе небольшую статую с посвящением. Статуэтка эта до нас не дошла, но сохранилась часть мраморного постамента с надписью, которая восстанавливается так: «Деметре Евмен»[39].

Скифы подчинили Ольвию во II в. до н. э. и на протяжении столетий стремились сохранить с ней дружеские связи, так как нуждались в ней. Там стоял флот, жили умелые мореплаватели, был большой рынок сбыта. Недаром после разгрома Ольвии гетами в I в. до н. э. именно скифы старались помочь ольвиополитам восстановить город.

О тесных связях скифов с Ольвией на протяжении веков говорят многие данные. Кажется на первый взгляд парадоксальным, что скифы, жившие в устье Альмы, теснее были связаны с далекой Ольвией, чем с близлежащим Херсонесом. Но в этом нет ничего удивительного. С Херсонесом скифы постоянно враждовали. Их стремление захватить этот полис натолкнулось на активное сопротивление херсонеситов и в конце концов оказалось бесплодным.

Все сказанное отнюдь не исключает скифо-херсонесских торговых связей. Но они, во-первых, существовали лишь в период

мирных отношений двух государств, а во-вторых, складывались для разных районов Скифии по-разному. Жители близлежащих к Херсонесу поселений торговали с ним более активно, чем население удаленных от него городищ и селищ.

С близлежащими греческими городами скифы торговали без посредников. Это обходилось дешевле. В Херсонесе, в Ольвии и на Боспоре покупали столовую посуду, украшения, ткани, вино. А продавали грекам, кроме хлеба, скот, шерсть, шкуры животных.

Римский историк Полибий сообщает, что из Северного Причерноморья в метрополию вывозили, кроме того, рабов, мед, воск. Это же подтверждает и Клавдий Элиан, живший в конце II—начале III в. н. э. Он сообщает, что в Скифии водятся пчелы, которые ничуть не страшатся холода, и что скифы привозят на продажу собственный мед и воск[40].

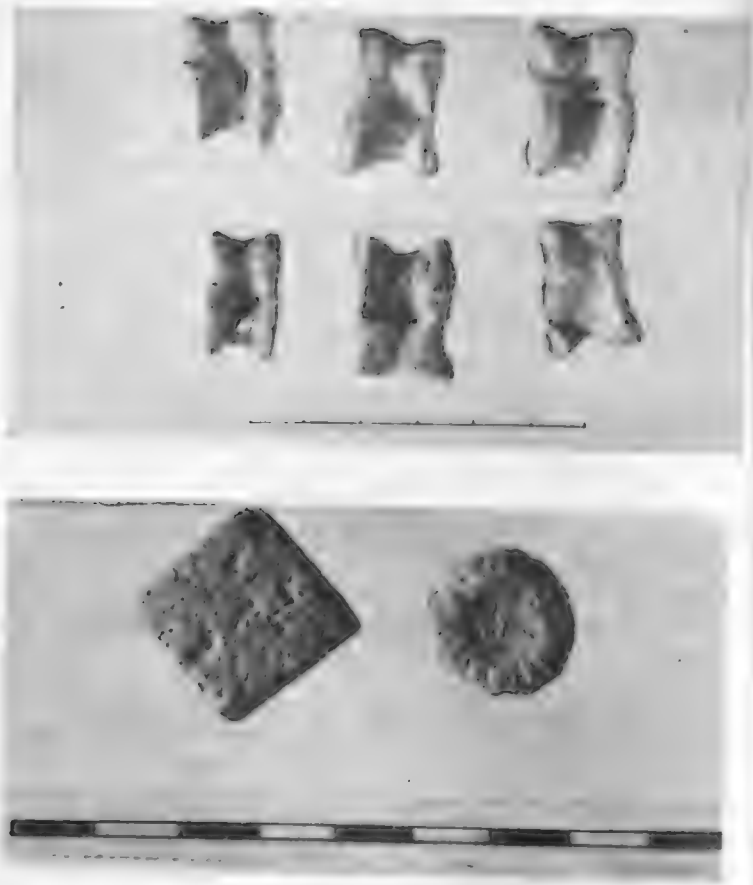
Эти сообщения очень интересны, так как расширяют представление об ассортименте товаров, экспортируемых скифами.

Торговля носила меновой характер. Монеты на скифских городищах встречаются крайне редко. Больше их становится в римский период, в первые века нашей эры. Но и эти находки единичны.

Существовали ли в жизни поздних скифов, полной тяжелого повседневного труда, подверженной порой опасностям, какие-нибудь развлечения?

Мы привыкли подходить к истории древних народов, абстрагируясь от мысли о том, что человек не может жить без песни, танцев, игр. Ведь даже в эпоху палеолита, как показали исследования известного советского археолога С. Н. Бибикова, уже существовали разнообразные музыкальные инструменты.

К сожалению, сведения о скифском обществе в этом отношении у нас очень скудны. Но все же мы знаем, что на стене одного из каменных вырубных склепов Неаполя был изображен скиф, играющий на лире. В Неаполе также был найден обломок, по-видимому, костяной флейты[41]. На стенах каменных склепов Неаполя помещены фигурки танцующих женщин. Хотя, надо думать, что в данном случае художник изобразил женщин, танцующих на погребальной церемонии.



Фишки для игр.

Играли ли скифы в какие-нибудь игры? В детских погребениях постоянно встречаются разнообразные фаянсовые египетские фигурки богов Беса, Гора, изображения львов, лягушек и другие. Обычно принято считать, что эти предметы служили амулетами, оберегали от дурного глаза, злых сил. Такова была, вероятно, их главная роль. Но кроме того их использовали как игрушки для малышей, вместе с которыми они ушли в могилы.

Делали скифы для детей и специальные игрушки, главным образом разнообразные миниатюрные сосудики, которые не могли иметь утилитарного значения.

А во что же играли взрослые люди? Во время раскопок мы находим фишки для различных игр. Среди них кубики с метками по сторонам (от одного до шести), круглые фишки, сделанные из стенок сосудов (иногда они лежат кучками до 40 штук), шарики из слабообожженной глины (также кучкой 76 штук, мы их нашли в ямке на городище Алма-Кермен). Две фишки: кубик из пемзы и глиняная круглая плоская фишка с насечками по краям найдены на городище Усть-Альма. Как играли с помощью этих фишек, сказать нельзя. Можно лишь предполагать, используя в качестве аналогий известные игры в древнем мире, что с помощью фишек играли на деревянных досках. Возможно, существовала игра в шашки. Как знать, не потому ли на одной из стен склепа № 9 Неаполя изображен шахматный ковер? Но самой популярной и распространенной игрой была игра в бабки. В нее играли и взрослые, и дети. Бабки встречаются иногда кучками до 165 штук (на городище Тарпанчи). Особым любителям таких игр клали альчики* при погребении. Как бы ни были разнообразны игры поздних скифов, они бесспорно соответствовали уровню развития этого народа, степени их культуры.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ

На рубеже новой эры начинается новый подъем скифской державы. От потрясений, причиненных войной с греками, скифы оправились быстро. Они расширяют торговые связи, осваивают новые земли.

Так, в среднем течении р. Альмы, близ современного с. Заветного, в I в. до н. э.—I в. н. э. возникает городище Алма-

* Альчики — фишки из пяточных костей животных.

Кермен (старое название деревни). Как обычно, скифы возвели его на возвышенном плато, поднятом над рекой на 30 м. Городище имело овальную форму, вытянутую с северо-запада на юго-восток. Его площадь 1,3 га. У подножия с южной стороны располагалось селище, а за ним, на юго-западе,— могильник. Это место в VI—V вв. до н. э. облюбовали тавры. От их пребывания здесь сохранился довольно мощный культурный слой с многочисленными фрагментами чернолощенной посуды резного орнамента, хозяйственные ямы. Но постепенно под натиском скифов тавры покидают эти районы и уходят все дальше и дальше в горы.

Городище Алма-Кермен само по себе малопримечательно — небольшое укрепленное поселение, жители которого занимались земледелием, скотоводством и виноградарством. Постройки сохранились плохо. Главная примечательность — мощная стена акрополя толщиной 3,5 м, сложенная из бутового камня. Она отгораживала северо-западный мыс городища, где не обнаружено культурного слоя, тогда как на остальной территории он доходил местами до 2,3 м. Городище исследователям было известно давно. Еще П. Кеппен в 1837 г. писал: «Там теперь весьма заметны основания стен, составляющих крепостцу, следы которой татары называют Кала»[42]. Возникло это поселение после войны с греками, скорее всего, в начале I в. до н. э.

Особый интерес Алма-Кермен вызывает потому, что здесь обнаружены следы пребывания римских легионеров. Но как и почему они здесь оказались во II в. н. э., в глубине скифской территории? Чтобы понять это, нужно обратиться к историческим событиям начала нашей эры.

Окрепнув после неудачной войны с греками, скифы вновь начинают притеснять Херсонес, не оставив надежды подчинить себе этот полис. Херсонес, предвидя опасность, вынужден был заняться ремонтом и укреплением своих оборонительных стен. В I в. н. э. создалась столь сложная ситуация, что херсониты вынуждены были обратиться за помощью к Риму, ища защиты от натиска варваров у римского оружия.

Сама по себе помощь эта не сулила Херсонесу ничего хорошего, так как город терял свою политическую независимость и

должен был попасть под власть Римской империи. Но херсониты предпочли такое подчинение победе над ними варваров. И вот в конце I в. н. э. Херсонес попадает под власть Рима. По мнению некоторых ученых, в это время в городе был введен официальный культ римских императоров. А во второй период подчинения Риму, во время правления Антония Пия (138—161 гг), Херсонес был превращен в главный опорный пункт военной оккупации Крыма. Здесь был размещен римский гарнизон, который вплоть до IV в. н. э. охранял подступы к городу.

Пребывание римлян в Крыму не ограничивалось одним Херсонесом, войска стояли и в Пантикапее. Во II в. н. э. на Южном берегу Крыма, на мысе Ай-Тодор близ нынешней Ялты, римляне возвели крепость Харакс[43] и проложили грунтовую дорогу, которая, помимо морского пути, соединяла ее с Херсонесом[44]. Харакс был защищен неприступными каменными стенами. Но чтобы пресечь набеги варваров, нужны были дополнительные меры. И тогда римляне проникли в глубь Крымской Скифии. Они разместили отряд XI Клавдиева легиона на городище Алма-Кермен. Его основные функции заключались, по-видимому, в том, чтобы контролировать важнейшие магистрали, связывающие столицу скифского государства Неаполь с Херсонесом и юго-западным Крымом, где было немало скифских поселений, а также с западным побережьем, в том числе с Усть-Альминским городищем. Товары, привезенные в устье Альмы, сухопутной дорогой шли в Неаполь. И тут на пути у скифских торговцев стояли римские солдаты, которые могли не пропустить обоз. Подобные действия нарушали экономическую жизнь скифского государства и ослабляли его.

Как могли скифы противостоять римскому оружию? Им было уже не до захвата Херсонеса и его округи. Но откуда известно, что на городище Алма-Кермен жили солдаты именно XI Клавдиева легиона, спросит нас читатель?

Установить это совсем не трудно. Дело в том, что прокормить, обуть, одеть огромную армию было нелегко. Поэтому всюду в огромной Римской империи солдаты, помимо основной военной службы, занимались хозяйственной деятельностью, создавали города, прокладывали дороги, строили корабли, возводили прекрасные жилые здания и храмы, насыпали земляные валы, строили

крепостные стены с башнями. Среди них были ремесленники, которые обжигали посуду, варили стекло, изготовляли украшения и т. д.

Для многочисленных построек нужна была кровельная черепица. Ее всюду изготовляли на том месте, где размещался гарнизон. На черепицу ставили клеймо легиона, в котором служили мастера-керамисты. По этому и другим источникам стало известно, что гарнизон Херсонеса состоял из отрядов XI Клавдиева легиона, I Италийского, V Македонского, вспомогательных войск мезийской армии и части мезийского флота. Захватив городище Алма-Кермен, римляне прежде всего изгнали живших здесь скифов, которые вынуждены были разместиться на селище. Затем они приступили к возведению различных построек. Одно из новых зданий было перекрыто черепицей. На некоторых ее обломках сохранились клейма XI Клавдиева легиона. Никаких других клейм не обнаружено. Сомнений нет — здесь жили солдаты только XI Клавдиева легиона. Черепицу они могли привозить из Херсонеса, где найдена такая же.

Легионеры не стремились в данном случае придать своему поселению вид укрепленного военного лагеря, как это делалось обычно, тем не менее они выстроили несколько зданий, одно из которых, прямоугольное в плане, было довольно большим — 13×8,5 м. Его стены из сырцовых кирпичей покоились на прочном каменном фундаменте. Изнутри они были оштукатурены и расписаны: внизу шла высокая темно-красная панель, над ней светлые прямоугольники. Сохранились лишь фрагменты штукатурки, поэтому трудно воссоздать всю роспись. Но даже по обломкам можно представить, каким ярким, нарядным, красивым было это помещение.

В Северном Причерноморье не так много домов с расписными стенами, и каждый свидетельствует либо о достатке владельца, либо об общественном назначении постройки. Здание, о котором шла речь выше, римляне скорее всего использовали для общественных нужд. Возможно, для отправления культов. В пользу такого предположения говорит и глинобитный жертвенный «стол», вмазанный в глиняный пол и возвышающийся над ним на 10—15 см. Подобные жертвенники широко известны в жилищах

древних фракийцев, населявших некогда современную Болгарию.

Римская армия формировалась из различных племен и народностей, пополнялись ее ряды главным образом за счет местного населения. В частности, гарнизоны, располагавшиеся в Мезии и Фракии, состояли в основном из мезийцев и фракийцев.

В состав Херсонесского гарнизона, наряду с другими народностями, также входили фракийцы. Они принесли в Крым особенности своей культуры и религии. Именно поэтому в начале нашей эры на полуострове появляются распространенные во Фракии жертвенные «столы».

В античных городах Северного Причерноморья найдено много фрагментов стеклянной посуды, как привозной, так и изготовленной своими мастерами. Однако ни одной из стекловаренных мастерских пока не открыто.

Существование же их подтверждают разнообразные находки. Так, в Танаисе (один из городов Боспорского царства, располагался в дельте Дона) найдена глиняная форма для изготовления полусферических стеклянных чаш,[46а] в Херсонесе — слитки стекла и остатки огнеупоров.

Стекловаренная мастерская на маленьком городище Алма-Кермен явилась полной неожиданностью. Как и положено, она состояла из трех печей. В одной из них (круглой, диаметром 3 м) предварительно проваривали стекломассу, в другой, также круглой, диаметром 3,3 м, изготовление стекла завершали. Эта печь была перекрыта купольным сводом из камней на глине. По краю печи, видимо, на полочке, стояли в древности горшки со стекломассой. Через окна в своде печи мастер с помощью трубки набирал стекло и силой своих легких выдувал сосуд в форму. Не всегда ему это удавалось. Иногда сосуды разбивались, но стекольный бой не пропадал, а шел в переплав. Затем хрупкие и вязкие, только что сделанные чаши, кубки, флаконы помещали в третью печь, так называемую отжиговую, где они постепенно охлаждались. Эта печь располагалась здесь же и была самой большой по размерам — 6,7×4,3 м, прямоугольной формы. Нижняя ее часть впущена в землю, а стены выложены из сырцовых кирпичей. Печь перекрывал свод из так называемого римского бетона,

представлявшего собой смесь мелких обломков керамики, камней с цемянковым раствором. Это очень прочное соединение обладало большой жароустойчивостью. Чтобы облегчить вес бетонной массы и повысить ее термоизоляцию, строители использовали очень остроумный прием — в бетонную массу были введены полые внутри амфоры с небольшими дефектами (чаще всего отбита одна ручка) и лепные горшки. Печь, предварительно хорошо нагретую, наполняли готовыми изделиями, затем плотно закрывали, и сосуды там постепенно охлаждались. Труд был нелегок. Ведь стекло плавится при температуре 1200°. Требовалось немало знаний и умения, чтобы изготовить изящный сосуд, не разбив его. Но все окупалось, когда в руках у мастера появлялись сверкающие на солнце прекрасные кувшины, полусферические чаши, тарелки, блюда. Охлажденный сосуд подвергали холодной обработке — наносили резные и шлифованные узоры.

Многочисленный стекольный бой, что остался на площадке, где работали мастера, дает возможность представить, какие подчас роскошные изделия изготовляли в Алма-Керменской мастерской.

Но, что удивительно, в могилах, где хоронили местных жителей, подобных сосудов нет. Нет их и в других местах Северного Причерноморья. Очевидно, мастерская просуществовала короткий срок, а хрупкая ее продукция была не особенно многочисленна и поэтому до нас не дошла.

Во II—III вв. н. э. варвары все чаще беспокоили границы Римской империи. Они угрожали провинциям, раскинувшимся по Дунаю и Рейну. Необходимо было спешно стянуть войска на запад, чтобы спасать свои владения. Отряды римских легионеров покинули Алма-Кермен и Харакс. Лишь небольшая часть гарнизона оставалась в Херсонесе вплоть до IV в. н. э.

Располагались ли отряды римских войск на других скифских городищах, или Алма-Кермен единственный такой пункт? По этому поводу имеются разные суждения. Было высказано предположение, что римские солдаты стояли и на Усть-Альминском городище[47]. За это как будто говорит местоположение скифского города на морском берегу, его важное стратегическое значение и обилие разнообразного римского материала, найденного при раскопках.

Близ городища Кара-Тобе, расположенного на водоразделе, у входа на пересыпь к югу от Евпатории был обнаружен клад римских монет.

В науке так нередко бывает — одно предположение рождает другое и вот уже появляется целая концепция: если на двух приморских городищах стояли римские войска, то вполне вероятно, что существовала непрерывная цепь римских укреплений по побережью Черного моря от Ольвии до Херсонеса.

Однако исследования последних лет это опровергают. Материалы, непосредственно указывающие на пребывание римлян на Усть-Альминском городище, отсутствуют. Нет черепиц с клеймами, нет построек, оставленных легионерами и каких-либо других следов их деятельности. Единичные находки херсонесских и римских монет не в счет. А многочисленные фрагменты римских амфор и столовой краснолаковой посуды говорят лишь об интенсивных торговых связях местных жителей с греками. Стратегическое положение памятника само по себе не может свидетельствовать в пользу размещения на нем римских отрядов.

А что же Кара-Тобе? Это небольшое городище (его площадь всего 140×120 м) находилось на холме, доминирующем над местностью. Раскопки, проведенные П. Н. Шульцем в 1934 г., позволили открыть остатки хорошо сохранившейся круглой в плане юрты I в. н. э.[48]. В последние годы Кара-Тобе вновь в поле внимания ученых. Исследование городища ведет экспедиция МГУ. Зачищено 18 хозяйственных ям, но никаких следов пребывания римлян пока не обнаружено. Однако вопрос этот еще не решен окончательно, и дальнейшее изучение скифских городищ внесет сюда свои коррективы.

Но вернемся вновь в долину Альмы, в среднее ее течение, к городищу Алма-Кермен.

Легионеры, разместившиеся на городище Алма-Кермен, помимо основной караульной службы, занимались изготовлением стеклянных сосудов, о чем говорит открытая здесь уникальная стекловаренная мастерская.

Стеклоделие — очень древнее ремесло. Его история начинается в середине II тыс. до н. э., когда в Египте появились самые

первые мастерские, в которых варили стеклянную массу и делали из нее примитивные украшения и посуду.

Но когда и как впервые появилось на земле стекло? Этого никто не знает. Гай Плиний Старший, римский историк и естествоиспытатель, трагически погибший при извержении Везувия в I в. н. э., приписывает это случаю. В очень давние времена к берегам Финикии пристал корабль торговцев, везших природную соду — селитру. Купцы решили заночевать. Рассевшись у костра на песчаном берегу, они стали готовить пищу. Под рукой не оказалось камней, чтобы поставить котелок. Пришлось подложить куски селитры. Она смешалась с песком и, по словам Плиния, «потекли прозрачные ручьи новой жидкости». Когда же она остыла, то оказалась твердой как камень, чистой и прозрачной, как вода, горела огнем на солнце[45]. Это и было стекло. Таким или каким-либо иным путем открыл человек стекло, сказать трудно. Но к римскому времени стеклоделие достигло уже вершины мастерства. Римские мастера умели окрашивать его в различные тона, изготовлять изящные тончайшие сосуды разнообразных форм.

Из стекла, помимо посуды, делали бусы, браслеты, перстни, печатки, в том числе превосходные геммы и другие украшения. Хрупкие изящные кувшины, чаши, флаконы стоили дорого и были доступны лишь богатым людям.

Итак, в первой половине III в. н. э. (предложить более точную дату пока трудно) солдаты XI Клавдиева легиона покинули Алма-Кермен. Стекловаренные печи были заброшены, засыпаны мусором. Но вскоре жизнь возрождается вновь. Местное население после ухода римлян использует созданные легионерами постройки для своих нужд. Большое парадное сооружение со стенами, расписанными фресковой живописью, было превращено в хозяйственное. Позднее оно погибло от пожара. На полу под обломками рухнувших сырцовых стен сохранились круглые ручные жернова, обуглившиеся зерна пшеницы, ячменя, ржи. Зерно держали в амфорах (их было не менее 17) и в лепных горшках. Удалось восстановить более 40 сосудов. Здесь же находились орудия земледельцев: железная мотыга, два серпа, виноградный нож.

В другом помещении стояли 54 амфоры, наполненные зерном. Все это говорит о том, что местные жители, несмотря на

римскую экспансию, продолжали заниматься земледелием, выращивать не только пшеницу, культивирующуюся в Крыму с давних пор разными народами, но также рожь, виноград, разводить скот.

ГОРОД МЕРТВЫХ

До сих пор мы говорили о городищах и селищах, т. е. о местах, где обитали живые люди. Поговорим теперь о некрополях. Слово «некрополь» в переводе с греческого означает «город мертвых». Эти «города» — кладбища, могильники — располагались обычно вблизи каждого городища по склонам холма или балки. Внешних примет грунтовой некрополь обычно не имеет: нет насыпей, если и стояли некогда стелы, то они не сохранились. Поэтому обнаружить древние захоронения очень трудно.

КУРГАНЫ И НЕКРОПОЛИ

Другое дело курганы, как, например, в окрестностях городища Кермен-Кыр. О них упоминал еще Дюбуа де Монпере.

В 1967 г. здесь было раскопано несколько небольших курганов. Все они относятся к эпохе бронзы, однако в насыпях пяти из них оказались небольшие земляные позднескифские склепы овальной или почти круглой в плане формы (размер 1,70×2 м или 1,40×1,80 м) с коллективными захоронениями от 4 до 8 человек. Они имели длинный забитый камнем дромос (коридор, который вел в камеру)[40].

Погребенных сопровождал разнообразный инвентарь: оружие (железный дротик, копье), различные украшения (железные и бронзовые пряжки, бронзовые браслеты, фибулы), а также железные ножи, пряслица, посуда. На ногах сохранились остатки кожаной обуви, отделанной тисненым пояском и украшенной многовитковыми бронзовыми браслетами. Открытые захоронения датируются II—I вв. до н. э.

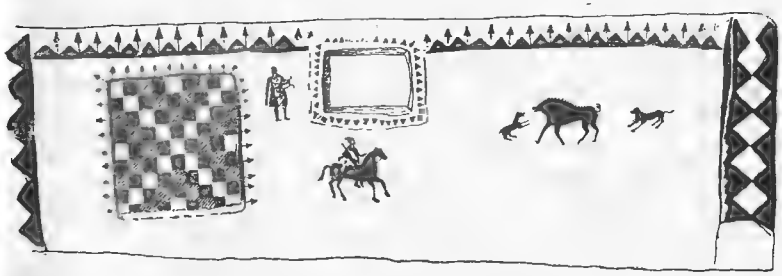
Конечно, помимо впускных погребений, в насыпи древних курганов где-то должен быть и грунтовой могильник, принадлежащий городищу. Будем надеяться, что его удастся открыть.

Чаще всего могильники находят случайно, как это было с Усть-Альминским. Его искали долго, но безуспешно. Но вот в 1964 г. Бахчисарайский лесхоз стал террасировать для посадки сосен склоны балки, примыкающей к городищу с востока. На одном из склонов под ножом бульдозера показались человеческие кости, бусы, посуда. Археологи пришли к выводу, что это и есть могильник.

Скифы, так же как и многие древние народы, хоронили умерших сообразно роду их занятий, снаряжая родственников в загробный мир большим количеством разнообразной утвари. Обнаруженные в могилах предметы очень существенно дополняют наши сведения о быте, торговых связях, социальном положении умершего, свидетельствуют об обрядах и верованиях местного населения.

Вполне естественно, что чем состоятельнее был человек, тем более пышные похороны устраивали ему скифы.

В столице скифского государства, в Неаполе, где проживала верхушка скифского общества, аристократия стремилась хоронить умерших в дорогостоящих склепах, вырубленных в скале. Такие своего рода уникальные сооружения открыты на восточном некрополе Неаполя и по Петровской балке. Известны склепы давно. Первые из них случайно обнаружил еще в 1834 г. швейцарский путешественник Дюбуа де Монпере. Об дном склепе сохранились такие сведения: «Выбор пал на пещеру, выдающуюся из среды других некоторой претензией на щегольство, выразившееся в разных фигурных украшениях... Оказалось, что эта пещера почти квадратная... Под потолком на правой и задней стороне идет карниз, состоящий из геометрических фигур в среднеазиатском вкусе... Внизу задней стены находится невысокая ступень; вверху, в задней стене есть небольшая четырехугольная ниша»[50]. К сожалению, эти погребальные сооружения были разграблены или уничтожены еще в древности и трудно сказать поэтому, когда в них были совершены захоронения. Но сами по себе каменные склепы Неаполя очень интересны прежде всего тем, что на стенах некоторых из них сохранилась роспись. Особо примечателен в этом отношении склеп № 9, где тремя цветами — сажей, красной и желтой охрой — нанесены различные, подчас примитивные изображения, символизирующие элементы погребального обряда. Несмотря на схематизм воплощения отдельных элементов росписи склепа, в целом она отражает довольно сложное представление скифов о космосе, окруженном водой[51]. Но в эту схему вторгается и реальный мир. Такова сцена охоты. Всадник, сидящий на великолепном жеребце (в нем легко можно угадать ахалтекинскую породу), преследует с собаками кабана. В руке у всадника копье. Другой рукой он сдерживает за поводок красавца коня, который идет легким шагом. Кабан затравлен, ощетинился, он уже ранен, по ляжке течет кровь. Присев на задние лапы, собаки в ярости бросаются на него спереди и сзади.



Роспись склепа № 9 некрополя Неаполя скифского.

Художник, бесспорно, хорошо знал повадки животных и сумел передать эту сцену с большим реализмом. На той же стене склепа чуть выше слева — скиф, играющий на лире. Вероятно, это был певец, исполняющий песни и повествующий о подвигах умершего. На нем красный кафтан, поверх которого черная одежда с длинными рукавами, длинные штаны и мягкие сапожки. На голове остроконечная шапка. Ее мы неоднократно встречаем на скифах будь то памятники живописи, изделия из камня или торевтика* Еще левее — так называемый ковер с шахматным рисунком, обрамленный стрелами.

---

* Торевтика — искусство обработки художественных изделий из металла.

По сторонам склепа — бордюр из треугольников со стрелами между ними, обращенными остриями вверх.

В склепе № 8 — примитивные рисунки женщин, исполняющих ритуальный танец, по-видимому, на погребальной церемонии. Здесь же спешенный всадник, держащий под уздцы коня. Сохранились также изображения коня и воина в просторном, туго подпоясанном кафтане, в головном уборе с развевающимися лентами. Он только что выпустил из лука стрелу.

В склепе № 1 красной краской изображена змееногая богиня.

Если допустить, что сюжеты росписей склепов в какой-то мере соответствовали роду занятий умершего, то в последнем случае, вероятно, была погребена знатная женщина, может быть, жрица, тогда как в склепе № 9 — богатый воин, любивший при жизни охоту.

Людей меньшего достатка хоронили в земляных склепах, а бедных — в простых грунтовых или подбойных могилах. К сожалению, некрополь Неаполя был разграблен еще в древности. Уцелели лишь единичные погребения.

И все же и эти остатки свидетельствуют, что некрополь столицы царства поздних скифов был достаточно велик. Он располагался на нескольких участках, содержал немало богатых захоронений. До нас дошло множество интересных и разнообразных предметов как местного производства, так и привозных, которые сопровождали умерших. Все они, взятые вместе, характеризуют культуру скифов II в. до н. э.— III в. н. э.[52].

Некоторые скифские могильники того же времени сохранились неразграбленными. Среди них лучше изучены Заветнинский, принадлежавший городищу Алма-Кермен, и Усть-Альминский.

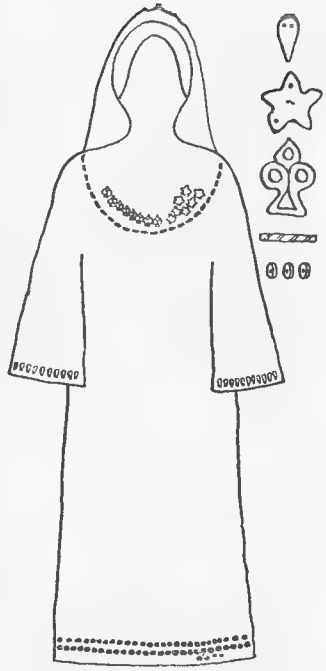
Заветнинский могильник (открыто более 300 погребений) оставило сельское поселение, которое хоронило соплеменников в грунтовых ямах, как правило, плотно забитых камнями, или в подбойных могилах[53].

Усть-Альминский некрополь выделяется среди других позднескифских могильников прежде всего богатством и хорошей сохранностью погребений. Здесь, так же как и в Неаполе, богатых людей хоронили в склепах, но не в каменных, а в земляных. Среди них некоторые отличались большой глубиной — до 4,5 м.

Часто умерших хоронили на различных растительных подстилках из трав или листьев. В одном из склепов Усть-Альминского могильника погребенный лежал на листьях дуба. Такой обычай можно считать традиционным.

Еще Геродот, описывая похороны скифского царя, сообщает, что «тело на соломенных подстилках опускают в могилу»[54]. Вероятно, погребальные церемонии включали в себя разнообразные ритуалы: погребальные танцы и песни, тризны — своеобразные пиры, сопровождавшиеся поеданием мяса различных животных и питьем вина. Остатки тризны открыты над мавзолеем Неаполя скифского[55] и над одним из склепов на Усть-Альме.

После того как было совершено погребение в грунтовой подбойной могиле или в склепе, яму или вход в склеп плотно забивали камнями, чтобы мертвые не покинули свое новое жилище. Иногда у входа в склеп хоронили собаку — она должна была стеречь покой мертвых.



Реконструкция костюма знатной скифянки.

В мавзолее Неаполя скифского, как мы уже знаем, захоронения совершались не сразу, не одновременно. Собаку могли захоронить и тогда, когда опять открывали двери усыпальницы и вносили новых усопших. Одна из них покоилась у притолоки мавзолея. На Усть-Альминском некрополе среди могил обнаружены отдельные захоронения коней.

С приходом в Крым сарматов в скифскую среду проникают и различные обычаи этого народа. В том числе обычай посыпать дно могилы мелом или углями, что было связано с культом огня

и солнца. В могилах найдено множество разнообразных предметов. Оружие преимущественно встречается в склепах, где были погребены мужчины-воины. Обычно их сопровождал на тот свет железный меч, иногда имеющий перекрестие и кольцевое навершие, железные трехгранные стрелы. Луки были деревянные, и, так как в земле дерево сохраняется плохо, чаще всего в могиле от них остается лишь желтоватый тлен.

Но вот в одном из Усть-Альминских склепов сохранились остатки скифского деревянного лука*. Он принадлежал знатному мужчине-воину. Рядом с луком лежали железные трехлопастные стрелы — 10 штук. На одежде воина некогда сверкали золотые щитовидные нашивные бляшки. В том же склепе захоронили знатную женщину. На ее платье (рукавах, подоле, верхней части) были нашиты золотые бляшки в виде трубочек-пронизок и звездочек. Здесь же, рядом с другой женщиной, поставили деревянную шкатулку, украшенную ажурной накладной бронзовой пластиной. Такие шкатулки, служившие для хранения косметических принадлежностей, покупали в греческих городах и ценились дорого, как предметы роскоши[56].

В одном из Усть-Альминских склепов, в подобной деревянной шкатулке с откидной крышкой, лежал стеклянный бальзамарий — сосуд для благовоний и стояла деревянная пиксида — круглая миниатюрная (высотой 7 см) коробочка, в которой хранились румяна. На них даже сохранился след от пальца владелицы.

Среди других предметов из погребений — многочисленные сосуды, главным образом краснолаковые, украшения: бусы, перстни, браслеты, фибулы, в том числе фибулы-броши, а также деревянные гребни, колокольчики и другие предметы. Интересна брошь в виде морского конька-гипокампа, украшенная эмалью.

Большинство из этих предметов — показатель широких торговых связей местного населения с греческими городами Северного Причерноморья, городами Египта, откуда привозили разнообразные амулеты из голубого фаянса, с Малой Азией, где изготовля-

* Сейчас он находится в экспозиции археологического отдела Бахчисарайского историко-архитектурного музея.

Краснолаковые сосуды из усть-альминского могильника.

лись многие сорта столовой краснолаковой посуды, с островами Эгейского бассейна.

Дорогую посуду, предметы роскоши, ценные ткани могла купить только аристократия. А поскольку обычай требовал, чтобы на тот свет умершего сопровождали предметы, окружавшие его в

быту, по количеству и качеству инвентаря, найденного в могилах, не трудно установить, кто был богат, а кто беден. Любопытно, что в мавзолее и в склепах, наряду с аристократами, одетыми в дорогие одежды, иногда расшитые золотыми бляшками, лежали бедняки, которых сопровождали всего лишь несколько бусин или один горшок.

Вполне возможно, что эти бедные люди были слугами или рабами своих господ и поэтому их захоронили в той же усыпальнице. Не исключено, что они умерли не своей смертью, а были убиты при погребении хозяина.

Выяснение социальных сторон жизни скифского общества — дело трудное. Ведь письменных источников у нас крайне мало. Поэтому лишь захоронения дают возможность судить об имущественном, а следовательно, и социальном неравенстве у этого народа.

Примечательно, что бедняков иногда хоронили не по скифским обычаям, а по погребальным нормам сарматов.

РОДСТВЕННЫЕ ПЛЕМЕНА

Сарматы, о которых мы не раз говорили,— родственные скифам кочевые ираноязычные племена, пришедшие в степи Северного Причерноморья из Поволжья и Приуралья.

Страбон описывает образ жизни этого народа: «Их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут. Вокруг палаток пасется скот, молоком, сыром и мясом которого они питаются. Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места»[57].

Начиная с III в. до н. э. сарматы все активнее вторгаются в скифский мир. Взаимоотношения этих народов в различные исторические периоды, в силу тех или иных причин, складывались по-разному.

В III в. до н. э. сарматы выступили против скифов на стороне херсонесских греков. Римский историк Полиен рассказывает, что сарматская царица Амага, союзница Херсонеса, проскакав 1200 стадий, явилась «ко двору» скифского царя, убила стражу, приказав скифам жить в мире и согласии с греками. И хотя это всего

лишь легенда, она, видимо, отражает реальные события того времени.

Во II в. до н. э., как мы помним, во время войны с греками сарматы выступили на стороне Палака.

В первые века нашей эры все большая масса этих племен наводняет Крымский полуостров и смешивается со скифами. Сарматы, попав в скифскую среду, начинают заниматься земледелием, вступают со скифянками в браки. Однако вряд ли отношения этих народов всегда складывались так уж мирно. Вероятно, не обходилось и без военных столкновений, в результате которых скифы могли захватывать сарматов в плен и превращать их в слуг или рабов.

Живя среди скифов, сарматы хранили традиции своего народа, соблюдали свои обряды, верили своим богам. Поэтому среди скифской посуды мы находим сарматские горшки, в погребениях — сарматские курильницы, бронзовые зеркала, подвески. Умерших они хоронили так, как велел обычай предков,— в подбойной могиле. В земле вырывалась узкая (50—60 см) могильная яма, вдоль одной из длинных сторон которой (размеры колеблются от 140 до 180 м) делался подбой, т. е. погребальная камера. Туда помещали умершего, подбой закрывали каменными плитами, поставленными на ребро, а входную яму забивали камнями. По сарматскому обряду первых веков нашей эры полагалось покойному скрещивать ноги, а руки класть на таз, хоронить на кошме или в деревянной колоде. У некоторых сарматских племен существовал поистине «варварский» обычай — новорожденному стягивали голову тугой повязкой. Ребенок рос, и голова его становилась вытянутой, деформированной.

Сарматские женщины обшивали подол платья и рукава бусами, скифянки стали им подражать. Так постепенно многие черты сарматских обычаев проникали в скифский мир. В свою очередь сарматы воспринимали скифские традиции. Это слияние элементов культур народов, родственных по языку, привело в конечном итоге к созданию смешанной, синкретической, скифо-сарматской культуры, окрашенной сарматскими традициями больше там и тогда, где и когда преобладали сарматы[58].

В целом же в Скифии позднего времени самих скифов про-

живало значительно больше, чем сарматов. И поэтому скифские традиции, приметы культуры скифов проявлялись повсюду ярко и многогранно.

ОБРЯДЫ И ВЕРОВАНИЯ

До сих пор мы говорили главным образом о материальной культуре скифов. Но существовала и духовная культура, постигнуть которую очень не просто. Как узнать, кому они поклонялись, каким богам верили, какие совершали обряды? Археология дает лишь немногие отрывочные сведения.

Итак, сделаем попытку заглянуть в этот таинственный мир верований древнего народа. На помощь нам приходит Геродот. Из его описаний мы узнаем о многих скифских божествах. Среди них — верховный бог Папай, верховная богиня и царица скифов Табити, богини Апи, Аргимпаса и другие.

Как узнать, какие из этих богов еще существовали в пантеоне скифов поздней поры, какие появились тогда новые божества?

Это трудный вопрос и вряд ли можно уверенно ответить на него. Можно лишь высказать предположения.

Богиня Табити у скифов была покровительницей домашнего огня и очага, функциями своими напоминая греческую богиню Гестию. В интересующий нас поздний период скифы по-прежнему почитали огонь, очаг. В домах нередко очаг украшали специально изготовленные из глины очажные подставки размером 35—40 см, орнаментированные головами баранов с большими рогами.

В одном из культовых зданий Неаполя очаг, расположенный в центре главного зала, был расписан красками. Зольники Неаполя и других скифских городищ также свидетельствуют о почитании огня, о разведении в определенных местах костров для совершения каких-то обрядов с огнем. Исходя из этого можно думать, что и верховная богиня Табити продолжала существовать в сознании скифов и покровительствовать домашнему очагу, неразрывно связанному с представлением о плодородии.

В V в. до н. э. скифы почитали богиню Аргимпасу. Геродот отождествлял ее с Афродитой. Многочисленные находки различных изображений Афродиты, в частности на ручках зеркал, говорят о популярности этого божества. Культ богини живет у скифов очень долго. Видимо, поэтому в Неаполе встречены фрагменты терракотовых фигурок Афродиты. На скифском селище близ Бахчисарая найдены две одинаковые терракотовые статуэтки богини.

Изображения ее встречаются на перстнях-геммах, на бронзовых защелках от замка шкатулок, где представлена Афродита-Анадиомена (т. е. отжимающая волосы).

Мы с уверенностью можем говорить о существовании у скифов и женского божества — покровительницы животных. Об этом свидетельствует уникальная находка из Усть-Альминского могильника — бронзовая бляха с фигуркой обнаженной женщины (чем не Афродита), у ног которой слева стояла собака, а по другую сторону — еще какое-то животное (изображение не сохранилось). Возможно, эта скифская богиня в позднее время приобрела функции греческой богини Артемиды.

Скифы-кочевники, скифы-воины, чья жизнь постоянно подвергалась опасности, зависела от храбрости, смелости и военной хитрости, поклонялись богу войны Арею (или Аресу). Культ его был очень популярен[59].

«В каждой скифской области,— читаем у Геродота,— по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше... На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже еще больше, чем прочим богам»[60].

Итак, атрибут божества — меч. Ему поклонялись, ему приносили в жертву пленников и животных. Подобные святилища в Крыму неизвестны. Но вот неожиданная находка! На Усть-Альминском городище была обнаружена известняковая плита размером 1,58×0,75×0,22 м, на которой сохранилось рельефное изображение меча. Памятник выполнен местным мастером, точно передавшим детали предмета: его прямое широкое лезвие и узкое перекрестие. Конец клинка как бы обломан, хотя нижняя часть плиты сохранилась нетронутой. Вероятно, мастер стремился показать меч, вонзенным в землю, т. е. как бы передать тот ритуал, ко-

торый совершали скифы, сооружая жертвенники богу Арею еще со времен Геродота.

Эта находка — красноречивый свидетель тому, как скифы сумели на протяжении многих столетий сберечь обычаи предков.

Но ни один народ не может жить в изоляции. Мы неоднократно говорили о том огромном влиянии, которое оказывала на скифов высокая греческая цивилизация.

Постоянное общение с эллинами неизбежно способствовало проникновению в скифский мир греческой культуры, греческих религиозных представлений. Естественно, что легче всего проникали те обряды, которые больше всего были понятны скифам, находили благодатную почву в их собственных представлениях.

Греки, как известно, почитали богиню плодородия Деметру. Для скифов плодородие земли и скота составляло основу жизни. Понимая его значение, они могли принять культ этой богини. К тому же у них существовала своя богиня Апи, напоминающая греческую Гею. Возможно, в первые века нашей эры произошло слияние функций этих божеств в единое божество, адекватное Деметре, богине плодородия.

Неустанно скифы просили богов об увеличении урожая, принося им соответствующие жертвы. Но вот выращен хлеб, и наступает новая забота — повыгоднее продать его. И здесь снова должны помочь боги.

У греков было такое божество — покровитель рынков и дорог, быстрый как мысль Гермес. Они изображали его стройным юношей в крылатых сандалиях, с палочкой-кадуцеем в руке. Скифы стремились приспособить к своим понятиям и использовать некоторые функции этого божества. Он должен был помочь им в торговле. Его изображали на монетах Скилура, а в I в. н. э. кадуцей появляется на монетах скифского царя Инисмена. Скифы покупали терракотовые статуэтки Гермеса, приобретали перстни-геммы с изображением его фигурки в рост, с перекинутым через руку плащом.

Скифский пантеон был достаточно обширным, в него входили, кроме перечисленных, воинственное женское божество, наделенное функциями Афины, и другие.

Как же совершались обряды, отправлялись те или иные культы? На основании тех незначительных свидетельств, какими мы располагаем, можно лишь строить предположения.

Мы уже знаем, что в домах, как в общественных, так и частных, устраивались жертвенники с захоронением молодых животных.

Такой обряд был направлен на увеличение плодородия скота. В одном из домов Усть-Альминского городища была открыта яма с костями двух ягнят, а сверху лежали модельки бараньих ног, вылепленных из необожженной глины, стояла лепная миска[61].

Интересное место для совершения жертвоприношений частично открыто в Неаполе скифском: на площадке, обнесенной каменной оградой, лежала амфора, наполненная мелкими ракушками, стояли горшки с костями. Здесь был небольшой домашний жертвенник.

Для совершенствования культовых обрядов, надо полагать, отводились специальные места, куда собирался весь народ. На скифских городищах мы постоянно сталкиваемся с зольными холмами. Высота их, как у зольника № 2 Неаполя скифского, достигала иногда 9,5 м. Они существовали наряду с небольшими жертвенными зольными холмами, о которых мы говорили выше.

Назначение больших холмов не вполне ясно. Многие видят в них свалки мусора, как доказательство особой аккуратности скифов, которые якобы только в определенные места собирали отбросы, где и сжигали их. Но, во-первых, такие мусорники уместнее делать за пределами города, а не внутри его. Во-вторых, остатки, открытые под зольником № 3 Неаполя и под зольником на Усть-Альминском городище, позволяют предположить иное их назначение.

На Неаполе скифском исследование зольника № 3, высотой 5 м и диаметром 12,5 м, расположенного за пределами города к югу от оборонительной стены, началось еще в 1957 г., затем после большого перерыва работы были возобновлены в 1978 г. и продолжаются по сей день. Они показали, что под насыпью золы здесь в III—II вв. до н. э. существовало культовое здание, а рядом с ним располагался небольшой зольник. Все эти сооружения впоследствии перекрыла громадная толща золы. В западном поле зольника

находилась утрамбованная наскальной крошкой площадка, на которой стояли когда-то три менгира* высотой более 2 м[62]. Оказались они здесь не случайно, а были специально поставлены в ритуальных целях. Очевидно, на площадке совершались обряды, связанные с поклонением солнцу и огню.

Частично раскрывают загадку о назначении зольников раскопки на Усть-Альминском городище, где так же, как и на всех больших скифских поселениях, существовало несколько таких холмов. Здесь их было три. Все они находились внутри города. Раскопки юго-западного зольника показали, что под его насыпью находилась утрамбованная площадка, окруженная ровиком, идущим зигзагами вокруг нее. В нем оказалось много золы, обожженных костей животных, а за пределами площадки и ровика располагались жертвенные ямы, в одной из которых обнаружены захоронения 18 собак.

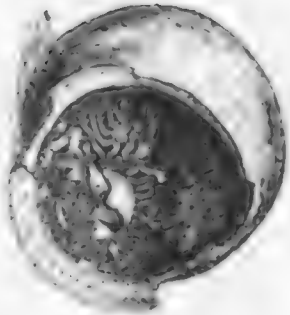
В насыпи зольника и в ямах найдены разнообразные предметы, специально принесенные и брошенные в этот жертвенный холм. Среди них несколько бронзовых монет, грузила для ткацкого станка, амулет в виде кружочка из стенки амфоры с процарапанным на внешней поверхности изозбражением военного корабля, глиняная фигурка скифского божка в остроконечной шапочке, целые и разбитые сосуды, в том чиле фрагменты роскошной расписной чаши и другие предметы. Все эти находки, а также ямы говорят о том, что данное место было особым, специально предназначенным для каких-то церемоний. Здесь собирался народ, разводили костры. Все это, вероятно, совершалось в определенные периоды года, когда местные жители отправляли обряды, связанные с поклонением солнцу и огню. Но загадка зольников еще не решена, она ждет новых исследований. А пока можно сказать лишь одно — зольные насыпи не были только свалками мусора.

И все-таки из всех обрядов, которые мы пытаемся разгадать, самым доступным для изучения остается погребальный.

---

* Менгиры — вертикально стоящие камни культового назначения, известные еще с эпохи неолита.

Амулет с изображением корабля.



Погребение младенца в сосуде.

Культ мертвых, культ вождей проявился в создании царской усыпальницы — мавзолея, каменных и земляных склепов, антропоморфных нагробных стел, совершении тризн над могилами, ритуальных танцев и пр. Но вот удивительная особенность — умерших новорожденных детей хоронили не на кладбище, а на территории поселения. Для этого использовали чаще всего старые, с отбитыми ручками и горлами амфоры. Чтобы поместить туда тело ребенка, отбивали боковину сосуда, клали трупик, а отбитым фрагментом амфоры вновь прикрывали его. Иногда ребенка помещали в большой глиняный сосуд и зарывали его во дворе или в доме под полом.

Глиняный божок.

На Усть-Альминском городище однажды была встречена амфора с погребением младенца, посыпанного зернами пшеницы.

Захоронение младенцев на поселении — обряд очень древний по своему происхождению и очень устойчивый. Его смысл связан с идеей возрождения плодородия.

СКИФСКИЕ ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ

Представления скифов об окружающей среде, о природе и ее влиянии на человека нашли отражение и в памятниках искусства. К сожалению, их сохранилось немного, но все же мы можем судить о мастерстве скульпторов и художников, искусстве гончаров и торевтов.

К памятникам монументального искусства поздних скифов принадлежат всем известные изображения царей Скилура и Палака и отдельно Палака на коне, найденные в Неаполе. Эти парадные рельефы, видимо, украшали главную площадь столицы, где, кроме того, стояли статуи с посвящениями Зевсу, Афине, богине Родос, Деметре.

Число статуарных рельефов за последнее время резко возросло. Происходят они главным образом из двух районов Крыма — северо-западного и юго-западного, причем на северо-западе найдены более совершенные изваяния, сделанные более опытными мастерами, сумевшими выполнить довольно сложную композицию. Таковы стелы с городища Чайка и Поповка, тогда как из юго-западного Крыма происходят в основном примитивные антропоморфные стелы, с непропорционально выполненными человеческими фигурами. Чем объяснить такую разницу?

Очевидно, тем, что в различных районах поздней Скифии по-разному складывались уклад жизни, быт. Отличным был состав населения. На северо-западе проживало больше греков, и греческие художники, вероятно, оказали заметное влияние на местных умельцев. В юго-западном Крыму это ощущалось в меньшей степени. Для скифского искусства типичен образ всадника. Мы видим его почти на всех известных нам рельефах. Вот, например, стела из Марьино[63]. Она одна из поздних, относится к рубежу II—III вв.

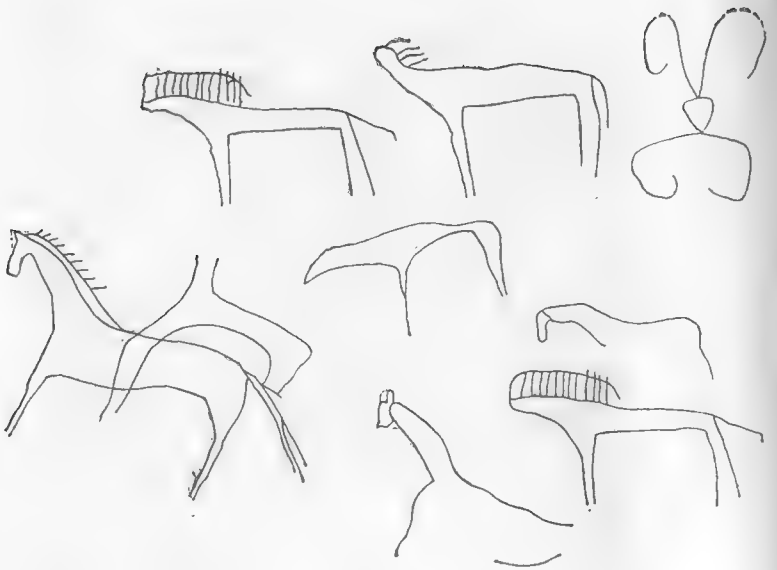
Рельеф с изображением скифских царей Скилура и Палака.

н. э. Надгробная плита довольно больших размеров, высотой 1,18 м, шириной 0,66 м. На лицевой стороне двухъярусное изображение. В верхнем ярусе — всадник, в правой руке держащий копье, в левой — повод. Перед ним застывшая женская фигура в рост. Голова ее окутана покрывалом, правая рука прижата к груди, держа ритон*.

В нижнем ярусе — сцена травли оленя, ее дополняет образ всадника — героя, воина, охотника. Стела из Марьино особенно интересна тем, что в свободном поле ее лицевой стороны, не занятом рельефом в верхнем или нижем ярусе, помещены надписи на греческом языке. Верхняя восстанавливается так: ЯМАХ, СЫН СОМАХА, ПРОЩАЙ. В свободном поле нижнего яруса стояло имя мастера. Эта стела — наглядный пример влияния греческой культуры на местную.

---

* Ритон — сосуд для вина в форме рога.



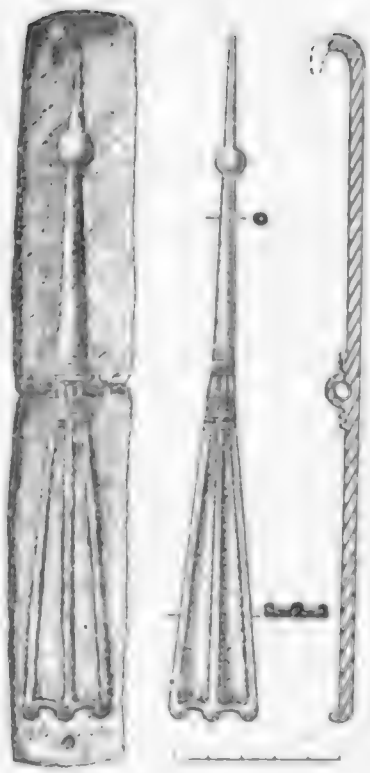
Граффити из культового здания Неаполя скифского.

Скифское искусство многопланово. До нас дошли не только каменные изваяния, но и рисунки, живопись. К памятникам искусства этого круга прежде всего принадлежат расписные склепы некрополя Неаполя скифского. Они погружают нас в причудливый мир таинственных и еще далеко не разгаданных представлений скифов.

Скифские художники оставили нам еще один интереснейший памятник своего творчества — рисунки-граффити на стенах культового здания Неаполя, где сохранилось около 2 тыс. различных изображений, в том числе животных. Конечно, фигурки переданы примитивно, с предельным лаконизмом. Они статичны, но вместе с тем пропорциональны и не лишены реализма. Связаны ли они единым сюжетом? Едва ли, хотя без труда можно видеть здесь табун лошадей, всадников.

Вероятно, в искусстве скифов в первые века нашей эры господствовал определенный стиль. Его придерживались и те художники, которые наносили рисунки на глиняные пряслица: олени с роскошными ветвистыми рогами шествуют друг за другом на грузилах для веретен из Усть-Альминского и Заветнинского могильников.

Занимались скифы и художественным литьем. Бляха с изображением обнаженной женщины, о которой мы говорили выше, изготовлена местным мастером. Местные торевты, безусловно, делали различные украшения из бронзы. Это подтверждает одна замечательная находка из Неаполя — литейная форма из ручки амфоры, предназначенная для отливки конского налобника.



Литейная форма с Неаполя скифского.

Вероятно, примитивные бронзовые проволочные браслеты, перстни, фибулы были также изделиями самих скифов. И лишь более сложные украшения покупали у греков.

Скифские гончары стремились подчас украсить простой кухонный горшок насечками, защипами по венчику, чтобы придать скромному сосуду более нарядный вид. Они же изготовляли примитивные глиняные фигурки, очажные подставки с головами баранов.

Памятников искусства дошло до нас немного, но все, что

сохранилось, свидетельствует о многоплановом, разнообразном характере творчества скифских художников, их неустанном стремлении отразить реальный мир.

ЗАКАТ ДЕРЖАВЫ

Расцвет, который пережила Скифия в I — начале II вв. н. э. (на первых порах его не могла омрачить даже так называемая «римская оккупация» Крыма), постепенно сменился упадком. Возможно, этому способствовало все более энергичное наступление сарматов, которые усилили свой натиск на скифов во II в. н. э.

Сарматы проникали в Скифию двумя путями: с севера через Перекопский перешеек и с востока через Боспор. Всюду по путям их продвижения удается увидеть могилы с сарматскими захоронениями, сарматские знаки на стенах склепов, сарматский инвентарь и пр.

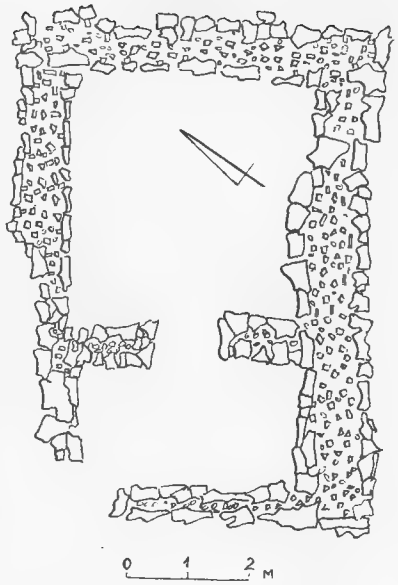
Об увеличении количества сарматов в Скифии в первые века нашей эры говорит повсеместное распространение характерных для них подбойных могил. И все же среди населения скифского царства сами скифы всегда составляли большинство.

СКИФСКИЕ УБЕЖИЩА

В начавшейся во II в. н. э. период упадка былого могущества скифов в Крыму появляется новый тип городищ — убежища. Каждое из них представляло собой хорошо укрепленную, обычно с каменной стеной цитадель, которая использовалась лишь в момент опасности,— за ее стенами можно было укрыться со скарбом и скотом. В мирное время население жило на прилегающем к цитадели селище. Такие убежища, как правило, небольшие по площади — 0,2—0,5 га, возникают главным образом в юго-западном Крыму.

Гористая местность со множеством возвышенностей, у подножия которых всегда есть вода, благоприятствовала созданию подобных городищ, хорошо защищенных самой природой от неприятеля. К числу таких укреплений принадлежит городище Заячье,

расположенное между реками Альмой и Качей, в их среднем течении. Цитадель находилась на каменном мысу, вытянутом с севера на юг и окруженном с трех сторон глубокой балкой. Размер ее 60×25 м. Она имела форму прямоугольника, вытянутого в том же направлении, что и мыс. По периметру шла каменная стена, раскат которой позволяет установить форму укрепленной части. К северу от нее располагалось селище с небольшим культурным слоем и многочисленными остатками каменных построек. Один из домов размером 8,2×6 м состоял из двух помещений. Стены его были сложены из довольно крупных камней и забутованы мелкими. Немногочисленные фрагменты керамики датируют дом II—III вв. н. э. За селищем к юго-западу и юго-востоку на сотни метров тянутся выложенные камнем полевые межи. Местные жители, как и все население Скифии, занималось земледелием.



Остатки дома на городище Заячье.

В верховье р. Альмы, у села Кизиловки (прежнее название Карагач), на вершине холма, поднятого над уровнем реки на 40—50 м, расположена цитадель городища, имеющая в плане форму неправильной трапеции размером 47,5×52,5 м.

Каменная стена цитадели толщиной 3,3 м сохранилась на высоту 0,7 м. За пределами крепостной стены обнаружено селище, жизнь на котором протекала во II—III вв. н. э.

К юго-западу от с. Заветного, на левом берегу р. Альмы, близ уже известного нам городища Алма-Кермен, на так называемой горе Чабовского, доминирующей над данной местностью,

находилось убежище. От самой цитадели сохранились остатки стены укрепления в форме неправильной трапеции размером примерно 47×32 м. Толщина стены достигала 2 м. Въезд был, вероятно, с северо-запада. За цитаделью находилось селище, а за ним видны следы межевых оград. Разведочные работы, проведенные на горе Чабовского, датируют сохранившиеся здесь остатки первыми веками нашей эры.

На одном из обрывистых мысов Второй гряды Крымских гор, в 3-х км на юго-запад от Альминского карьера, на вершине скалы, поднятой над дорогой почти на 30 м, располагается убежище Балта-Чокрак. С напольной стороны оно было надежно защищено хорошо сохранившейся стеной, толщина которой достигала 3 м, а высота 0,95 м. Крупные камни образуют ее внешний и внутренний панцирь, а забутовка — из мелких камней и наскальной крошки. У подножия располагалось селище. Подъемный материал определяет дату памятника — II—III вв. н. э.

На левом берегу р. Качи, в нижнем ее течении, в 6 км на юго-запад от с. Фурмановки, на небольшой возвышенности, поднятой на 36 м над уровнем пашни, что раскинулась у ее подножия, сохранилась хорошо защищенная каменной стеной цитадель Краснозоринского городища. Она имела форму неправильного прямоугольника, вытянутого с запада на восток. Его площадь 92,5×35 м. Следы стены видны почти по всему периметру. Местами она сохранилась на высоту более двух метров, имея толщину 2,8 м. С запада был въезд в цитадель. У ее подножия широко раскинулось селище, границы которого практически неуловимы, так как земля здесь перепахана.

Почему убежища появились именно в это время, во II в. н. э.? Определенного и однозначного ответа на этот вопрос пока быть не может. Предположения же возможны разные. Скорее всего, возникновение их связано с общим упадком Скифии, с необходимостью населения заниматься самообороной. Ведь когда царская власть ослабела, армия была не в состоянии защитить границы государства от неприятеля.

Как мы уже сказали, известны главным образом убежища юго-западного Крыма. Появление их в этом районе полуострова вполне логично. Но существовали они и в других местах, в частности,

в центральном Крыму. Так, близ с. Пионерского (бывшее название Джалман), в 2,5 км от него на северо-восток открыто убежище. В плане оно имело прямоугольную форму площадью 45×30 м. По всему периметру прослежены остатки стены, за пределами которой располагалось селище. Видны следы построек и древних дорог. Убежища датируются I—III вв.

В это же время существует и иной, пока что, к сожалению, малоизученный тип поселений — усадьбы. Одна из них открыта в 1953—1959 гг. в урочище Кизил-Коба[64]. Здесь раскопана часть жилого дома богатого винодела. Добротное жилище с цемянковым* полом состояло, по-видимому, из нескольких помещений. Хозяин усадьбы в прохладной пещере хранил вино в амфорах, предназначенных, вероятно, для продажи. На небольшом участке раскопа собраны обломки 15 больших амфор II—IV вв. н. э. Местное или привозное вино содержалось в амфорах — сказать трудно. Однако стоит отметить, что в Кизил-Кобинском ущелье и сейчас растет дикий виноград. Специалисты считают его одичавшей древней культурой. Поэтому вполне вероятно, что в усадьбе Кизил-Коба в первые века нашей эры мог жить винодел, торговавший собственным вином.

Итак, со II в. н. э. в Скифии становится все больше мелких укрепленных поселений, разбросанных на широкой территории. Как управлялось скифское государство, какой был общественный строй Скифии? Одни лишь археологические данные решить этот вопрос не могут, а письменные источники очень скудны.

И все же благодаря эпиграфическим памятникам, нумизматическим данным мы знаем, что во главе скифского государства стоял царь. Власть от отца к сыну переходила по наследству. Напомним, что Скилур был сыном царя, преемником Скилура мог быть его старший сын Палак, которого древние источники также называют царем.

При Скилуре могущество и процветание Скифии достигло апогея. Скифский царь вел мудрую политику, значительно расширилась территория государства. Под власть скифов попадает

---

* Цемянка — смесь извести с толченой керамикой.

Монета царя Фарзоя.

се́веро-за́падный Крым — хо́ра Херсонеса с его городами Керкинитидой и Калос-Лименом (современные Евпатория и Черноморское). Большую роль для экономического развития страны сыграло подчинение Ольвии. Скифы получили выход к морю, использовали Ольвию для вывоза хлеба и получения различных необходимых им товаров.

Мы знаем еще имена царей Фарзоя и Инисмея. В науке идет долгий спор о том, был ли Фарзой царем скифов или сарматов? Может быть, он разрешится, когда появятся убедительные факты для этого. Пока же можно сказать, что оба царя, так же как и Скилур, чеканили в Ольвии монеты.

Скифские цари осуществляли внешнюю политику страны, заключали союзы с другими народами и государствами (например, с роксоланами, в период войны с Херсонесом), принимали послов, возможно, осуществляли какие-то жреческие функции, вершили суд и т. д. Кроме того, в каждом поселении была своя аристократическая верхушка, свой (применим современную терминологию) «аппарат управления».

Ко II в. н. э. править страной становилось все труднее. Разобщенность, разъединение осложняли борьбу с внешними врагами. Меры по созданию укреплений, в том числе убежищ, мало помогали. Для греков стала очевидной слабость скифов, неспособность противодействовать врагу. Они не преминули воспользоваться этим. Ведь Боспор стремится расширить свои владения на востоке. Известно, что царь Савромат I (93—123 гг.) одержал победу над «варварами», скорее всего, над скифами, и в честь победы чеканил монету с изображением пылающей крепости.

Скифы, по-видимому, жестоко пострадали в этой борьбе. В Неаполе обнаружено погребение аланского военачальника,

очевидно, участвующего в сражении со скифами на стороне войска Савромата I. Он был убит и погребен здесь же.

Хотя захоронение было сделано поспешно, воину успели положить неразлучный железный меч и набор украшений конской сбруи: налобник, железные удила с псалиями*, крупные халцедоновые бусы, крупные бронзовые бляхи с крестообразными украшениями и 38 бронзовых пластин различной формы, обтянутых золотой фольгой. Не забыли и о напутственной пище — возле головы поставили амфору, очевидно, с вином, положили кусок мяса (сохранилась кость), а также предназначенный для него железный нож.

Преемник Савромата I Котий II (123—132 гг.) также успешно воевал со скифами, за что был удостоен почетной статуи. Но скифы все еще не сдавали свои позиции. Лишь через полстолетие, в 193 г., Савромату II удалось одержать победу над скифами и сираками,** как о том повествует танаисская надпись. Это последнее упоминание в источниках о скифах.

Однако, несмотря на военные неудачи, скифское государство до середины III в. н. э. еще продолжало существовать.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Гибель пришла внезапно. Она обрушилась с такой силой, что от пожаров и разрушений, от грозящей смерти оставалось одно — бежать, бросив дома, утварь, дорогие вещи. Надо было спасать жизнь. Но и это удавалось не всем.

На пороге одного из домов городища Алма-Кермен остался лежать убитый мужчина в возрасте 35—40 лет. Он погиб от удара по голове каким-то круглым предметом. Поодаль лежал другой убитый. На том же городище пожар уничтожил дом с фресками, крыша его рухнула внезапно. На полу оказались погребенными краснолаковые и лепные сосуды, амфоры с пшеницей и

---

* Псалии — детали конской сбруи, соединяющие уздечку с удилами.

** Сираки — одно из варварских племен, живших на азиатской стороне Боспора.

рожью, различные предметы труда и быта. А кроме того, два золотых предмета — слиток золота и золотая подвеска, украшенная альмандинами*.

Слой от внезапного пожара — подарок для археолога. Как сказал поэт:

Археологи, ликуя,
Открывают этот слой:
Храм, дворец и мастерскую
Между пеплом и золой.

В. Берестов

Внезапная гибель обычно позволяет хорошо сохраниться памятнику. Если люди преднамеренно покидают поселение или жилище, то они, как правило, уносят с собой весь свой скарб, любую мелочь. Ведь в далеком прошлом у людей в повседневной жизни было так мало вещей! Но когда происходит катастрофа, будь-то землятресение, извержение вулкана или внезапный набег беспощадного врага, тогда бросали все, что имели. И предстает «перед нами, средь обломков, жизни прерванной полет» (В. Берестов).

Одновременно в Крыму было уничтожено большинство скифских городищ. Погибла столица государства. В верхних слоях в разных районах Неаполя обнаружены погребения насильственно убитых людей. Их не успели похоронить. Они оставались лежать там, где погибли: в зерновой яме, на развалинах оборонительной стены и т. п. Трагедия была всеобщей.

Но что же произошло? Кто стал виновником этих событий? Разногласий среди ученых по этому поводу сейчас, в сущности, нет. Все признают, что гибель скифского государства произошла в середине III в. н. э. и связана с вторжением на полуостров готов. Подтверждают это и письменные источники, которые свидетельствуют о приходе в Крым в III в. н. э. готских дружин.

Из источников известно также, что в состав готского племенного союза входили разные, в том числе сармато-аланские племена, а численность самих готов была невелика. Они представляли, надо полагать, лишь верхушку этого союза.

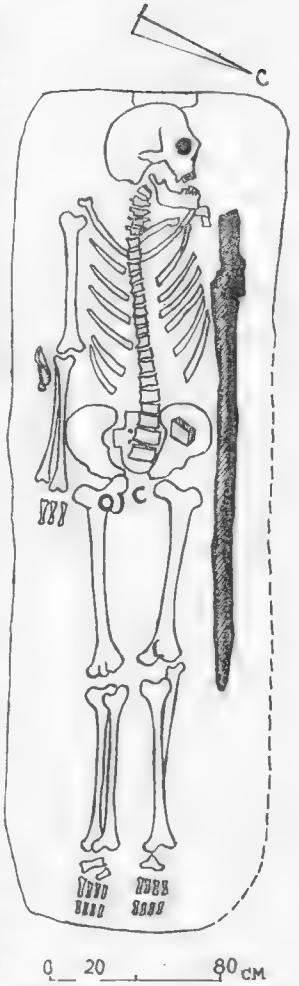
---

* Альмандин — полудрагоценный камень красного цвета.

Присутствие сармато-алан в таком союзе выявляет и археология. Вот красноречивый пример: в верхнем слое Усть-Альминского городища, связанном с последней страницей его жизни и гибели, открыто погребение сарматского воина — крупный мужчина лежал на спине, вытянувшись, головой на северо-запад. Вдоль его туловища слева лежал длинный (1,10 м) железный меч, у плеча слева — бронзовая проволочная фибула, на тазовых костях кусок мела (признак сарматского обряда погребения). У воина была отсечена кисть левой руки и фаланги пальцев правой. Он был пришельцем, врагом, павшем в бою. Подобных захоронений (по обряду, набору вещей) нет в Усть-Альминском могильнике.

Такие погребения, с признаками сарматской принадлежности, обнаружены и в верхних слоях Неаполя скифского. Они также относятся ко времени уничтожения города в III в. н. э.

Под ударами готских дружин скифское государство погибло. На руинах скифских городищ жизнь больше не возобновлялась. Лишь только близ Херсонеса некоторые городища просуществовали до IV в. Готы не тронули и самого Херсонеса, в отличие от Боспорского царства, сильно пострадавшего от их натиска. Способствовало тому особое изолированное географическое положение Херсонеса, его мощные крепостные стены и часть римского гарнизона, еще стоявшего в городе.



Погребение сарматского воина на Усть-Альминском городище.

А под эгидой Херсонеса в относительной безопасности оказались и некоторые скифские поселения. Поэтому они тогда уцелели.

Примером тому может служить городище Тас-Тепе. Оно находится в нижнем течении р. Кача близ с. Тенистого на горе Тас-Тепе (Лысая гора)[65]. Оборонительная стена толщиной 1,7 м защищала цитадель площадью 0,25 га.

Это убежище, судя по керамическому материалу, собранному на склонах горы, датируется II—IV вв. Рядом с убежищем на противоположном склоне оврага располагался могильник. В одном из его склепов найден археологический материал IV в. н. э.

Все это говорит о том, что на отдельных городищах позднескифского государства еще в IV в. н. э. теплилась жизнь. Остатки ее были уничтожены гуннским нашествием на Крым.

Но народ не мог исчезнуть, если он не был истреблен. Однако куда же в таком случае делось население скифского государства? — спросит читатель. Уйдя с насиженных мест, покинув плодородные долины рек, люди устремились в места более безопасные, в горы, в верховья рек. Здесь в эпоху раннего средневековья возникли города, которые впоследствии стали крупными торговыми, политическими и культурными центрами средневековой Таврики. Среди них Бакла, Мангуп, Инкерман, Мангуш, Эски-Кермен и другие.

Часть населения разгромленного скифского государства влилась в поток «варваров», который, двигаясь на запад, вторгся затем в пределы Римской империи. Начиналась эпоха Великого переселения народов.

Почти семьсот лет просуществовало скифское государство в Крыму. Оно сыграло немалую роль в истории Северного Причерноморья. Без постоянных контактов со скифами не могли бы существовать греческие города-государства Ольвия, Херсонес и Боспор. Ибо, как считал академик С. А. Жебелев, они были зависимы от туземного населения «во всем направлении своей экономической жизни»[66]. В свою очередь скифское государство не было бы таким, каким оно стало, без связей с греческим миром.

Скифы оставили заметный след во всей древней истории юга нашей страны. Изучая ее, невозможно обойтись без «древних родоначальников нашего российского народа, в котором скифы не последнюю часть составляют» (М. В. Ломоносов).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.— 2-е изд.— Т. 21.— С. 315.

[2] Археология Украинской ССР.— К.: Наук. думка, 1986.— Т. 2.— С. 11.

[3] Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов из собрания Государственного Эрмитажа.— Прага: Ария; Л.: Сов. художник, 1966.— 120 с.

[4] Граков Б. Н. Каменное городище на Днепре // Материалы и исслед. по археологии СССР.— М., 1954.— № 36.

[5] Погребова Н. Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // Материалы и исслед. по археологии СССР.— М., 1958.— № 64.— С. 237; Елагина Н. Г. Нижнее Поднепровье в эпоху позднескифского царства // Вестн. МГУ.— 1958.— № 4.— С. 56.

[6] Страбон. География: В 17 кн.— М.: Наука, 1964.— Кн. 7, гл. 4, 5.

[7] Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора.— М.: Наука, 1975.— С. 50, 52.

[8] Тюменев А. И. Херсонесские этюды: VI // Вестн. древ. истории.— 1955.— № 3.

[9] Храпунов И. Н. Раскопки Булганакского городища // Археолог. открытия 1983 г.— М. Наука, 1985.— С. 368; Он же. Раскопки Булганакского городища (1981—1984 гг.) // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР.— 1987.— Вып. 191.— С. 40—45.

[10] Шульц П. Н. Скифский город на реке Булганак // Археолог. исслед. на Украине 1965—1966 гг.— К.: Наук. думка, 1967.— Вып. 1.— С. 115.

[11] Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху.— Л.: Наука, 1978.— С. 66.

[12] Шульц П. Н., Головкина В. А. Неаполь скифский // По следам древ. культур.— М.: Госкультпросветиздат, 1951.— С. 145.

[13] Щеглов А. Н. Северо-западный Крым...— С. 3.

[14] Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.— К.: Наук. думка, 1979.— С. 37; Шульц П. Н. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.) // История и археология древ. Крыма.— К.: Изд-во АН УССР, 1957.— С. 68.

[15] Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— К.: Наук. думка, 1973 — С. 69.

[16] Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблема истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // Вестн. древ. истории.— 1987.— № 1.— С. 55—87.

[17] Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— К.: Наук. думка, 1964.— С. 14—15.

[18] Геродот. История: В 9 кн.— Л., 1972.— Кн. 4, 73.

[19] Шульц П. Н. Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя скифского // Сов. археология.— 1969.— № 1.— С. 120.

[20] Геродот.— Кн. 4, 80.

[21] Страбон.— Кн. 7, гл. 3, 17.

[22] Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе // Вестн. древ. истории.— 1947.— № 4.— С. 268.

[23] Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского.— М.: Искусство, 1953; Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя скифского // Материалы и исслед. по археологии СССР.— М., 1961.— № 96.

[24] Яценко И. В. Археологические раскопки в предместье Евпатории // Вопр. истории.— 1974.— № 4.— С. 211; Она же. Крепость и сельские усадьбы херсонесцев на окраине современной Евпатории (IV—II вв. до н. э.) // Путешествия в древность.— М.: Изд-во МГУ, 1983.— С. 184.

[25] Яценко И. В., Попова Е. А. Исследование западных кварталов скифского поселения в Евпатории // Археолог. открытия 1975 г.— М.: Наука, 1976.— С. 413—414; Они же. Раскопки Чайкинского городища // Археолог. открытия 1977 г.— М.: Наука, 1978.— С. 408—409.

[26] Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 гг. // Крат. сообщ. о полевых исслед. Одес. гос. археолог. музея 1962 г.— Одесса: Маяк, 1964.— С. 50.

[27] Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг. // Крат. сообщ. Ин-та археологии АН СССР.— М., 1963.— Вып. 109.— С. 69.

[28] Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым...— С. 69—70.

[29] Щеглов А. Н. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. // Сообщ. Херсонес. музея.— Симферополь: Крымиздат, 1963.— Вып. 3.— С. 71, 73.

[30] Соломоник Э. И. Древние надписи Крыма.— К.: Наук. думка, 1988.— С. 22.

[31] Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, указанных Страбоном // Вестн. древ. истории.— 1958.— № 2; Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? // Вестн. древ. истории.— 1967.— № 1.

[32] Страбон.— Кн. 7, гл. 4, 7.

[33] Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // Вестн. древ. истории.— 1965.— № 2.— С. 110.

[34] Маркевич А. И. Кермен-Кыр древнее укрепление вблизи Симферополя // Изв. Таврич. Учен. архив. комис.— 1889.— С. 114—115.

[35] Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса.— К.: Наук. думка.— 1965.— С. 27.

[36] Ксенофонт. О домашнем хозяйстве.— М., 1887.— Кн. 18, гл. 4, 5.

[37] Колтухов С. Г. Раскопки у с. Доброе // Археолог. открытия 1980 г.— М.: Наука, 1981.— С. 261—262.

[38] Домбровский О. И. Керамическая печь на городище «Красное» // История и археология древ. Крыма.— К.: Изд-во АН УССР, 1957.— С.191.

[39] Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // Сов. археология.— 1958.— №28.— С. 310.

[40] Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму.— К.: Наук. думка, 1972.— С. 178.

[41] Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства...— С. 126, рис. 57—18.

[42] Кеппен П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических // Крым. сб.— Спб., 1837.— С. 5, 347.

[43] Блаватский В. Д. Харакс // Материалы и исслед. по археологии СССР.— М.: Наука, 1951— № 19; Орлов К. К. Работы Айтодорского отряда // Археолог. открытия 1982 г.— М.: Наука, 1984.— С. 310.

[44] Соломоник Э. И. Алтарь Немесиды из Херсонеса // Вестн. древ. истории.— 1969.— № 2.

[45] Качалов Н. Стекло.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— С. 11.

[46] Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры.— М.: Наука, 1972.— С. 105.

[47] Щеглов А. Н. Заметки по древней географии...— С. 110—113.

[48] Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археолог. исслед. РСФСР, 1934—1936 гг.— М.; Л., 1941.— С. 265; Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым...— С. 85.

[49] Высотская Т. Н. Позднескифские погребения в кургане близ городища Кермен-Кыр // Археолог. исслед. на Украине в 1967 г.— К.: Наук. думка, 1968.— Вып. 2.— С. 113—114.

[50] Ящуржинский Х. П. Разведки о древнем укреплении Неаполя скифского // Изв. Таврич. Учен. архив. комис.— Симферополь, 1889.— № 7.— С. 67.

[51] Попова Е. А. О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы // Вестн. древ. истории.— 1984.— № 1.— С. 129—145.

[52] Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства.— К.: Наук. думка, 1983.— 174 с.

[53] Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Тр. Гос. Ист. музея.— М., 1982.— Вып. 54.

[54] Геродот.— Кн. 4, 71.

[55] Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя...— С. 108.

[56] Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Наука, 1971.— С. 129.

[57] Страбон.— Кн. 7, гл. 3, 17.

[58] Высотская Т. Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы з этнич. истории Крыма VII в. до н. э.— VII в. н. э.— К.: Наук. думка, 1987.— С. 65.

[59] Бессонова С. С. Религиозные представления скифов.— К.: Наук. думка, 1983.— С. 45.

[60] Геродот— Кн. 4, 62.

[61] Высотская Т. Н. Некоторые аспекты духовной культуры населения Усть-Альминского городища // Антич. и средневек. идеология.— Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1984.— С. 137.

[62] Махнева О. А. Работы на пригородной территории Неаполя скифского // Археологич. открытия 1979 г.— М.: Наука, 1980.— С. 303.

[63] Шульц П. Н. Надгробный рельеф из с. Марьино // Сообщ. Херсонес. музея.— Симферополь: 1963.— Вып. 3; Соломоник Э. И. Надписи на стеле из с. Марьино // Там же.

[64] Домбровский О. И. Пещеры и урочище Кизил-Коба в позднеантичный период // Тр. комплекс. карстовой экспедиции АН УССР.— К.: Изд-во АН УССР.— 1963.— С. 161.

[65] Кутайсов В. А. Городище первых веков нашей эры на горе Тас-Тепе в Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры.— К.: Наук. думка. 1983.— С. 144.

[66] Жебелев С. А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху: Север. Причерноморье.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.— С. 271.

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ 6
От кочевий к городам 7
Новый город 11
У САМОГО МОРЯ 29
Смерть базилевса 29
Непобедимые 33
Царские крепости 39
Повседневный труд и развлечения . 47
НОВЫЙ ПОДЪЕМ 57
ГОРОД МЕРТВЫХ 65
Курганы и некрополи 65
Родственные племена 72
Обряды и верования 74
Скифские художники и скульпторы . 80
ЗАКАТ ДЕРЖАВЫ 84
Скифские убежища 84
Последний удар 89
Список использованной литературы 93

Научно-популярное издание

Высотская Татьяна Николаевна

СКИФСКИЕ ГОРОДИЩА

Редактор А. П. Люсый
Художники В. В. Бунь, В. Д. Фесенко
Художественный редактор М. М. Лукьяница
Технический редактор Н. Д. Крупская
Корректор С. А. Павловская

ИБ № 1890

Сдано в набор 26.11.88. Подписано в печать 14.03.89. БЯ 01061. Формат 70×108 1/32. Бумага офсетная № 1. Гарнитура журнальная рубленая. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,73. Уч.-изд. л. 5,25. Тираж 25 000 экз. Заказ № 354. Цена 25 к.

Издательство «Таврия», 333000, Симферополь, ул. Горького, 5

Областная книжная типография, 320091, Днепропетровск, ул. Горького, 20

25 к.

ТАВРІЯ